

СКЕЛЕТ В ШКАФУ

Английская
комическая
проза
XVII–XX веков

Составление,
перевод,
вступительная
статья,
комментарии
Александра
Ливерганта

Александр Яковлевич Ливергант

Скелет в шкафу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48703704

Скелет в шкафу : Английская комическая проза XVII—XX веков:

Время; Москва; 2020

ISBN 978-5-9691-1924-6

Аннотация

В книге представлены наиболее известные авторы и произведения английской литературы смеха за последние 400 лет, от Свифта до юмористов и сатириков конца XX века. А также все многообразие юмористических жанров: юмористические и сатирические рассказы, очерки, эссе, а также пародии, стилизации, театральные бурлески, афоризмы и т. д.

Содержание

Информация от издательства	4
Свобода духа	5
Английский литературный анекдот	12
Джонатан Свифт	44
Когда я состарюсь, то обязуюсь...	45
Правила светской беседы	47
Генри Филдинг. Из журнала «Ковент-Гарден»	62
Правила для критиков	63
О юморе	70
Диалог в духе Платона в Танбридж-Уэллсе {50} между философом и светской дамой	76
Презренный металл	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84
Комментарии	

Скелет в шкафу
Английская комическая
проза XVII–XX веков
сост. Александр Ливергант

Информация от издательства

Научно-популярное электронное издание

Художник Валерий Калныныи

Иллюстрации Капыч

© А. Я. Ливергант, составление, перевод, вступительная
статья, комментарии, 2020

© «Время», 2020

* * *

Свобода духа

Словосочетание «английский юмор» – почти тавтология. С детства два эти слова, объединяющие национальную принадлежность, способ мышления и литературную разновидность, для нас столь же естественны, привычны и нерасторжимы, как «немецкий порядок», «французское легкомыслие» или «испанская горячность». Вместе с тем английский юмор далеко не всегда так уж смешон. Полистайте подшивку английского юмористического журнала «Панч» и вы в этом убедитесь. Беседуют, к примеру, два ангела, один в очках, другой – без. Тот, кто без очков, говорит тому, кто в очках: «Не понимаю, почему вы не носите контактные линзы!» А вот еще один, тоже чисто английский диалог – на этот раз двух мышей. Первая, опытная, показывает второй на мышеловку с куском сыра и глубокомысленно замечает: «Будьте осторожны – тут что-то не то». Британец пошутит, а мы и не заметим, он словно бы стыдится собственного смеха, смеется уголком рта, чему-то своему, без нашей или американской непосредственности, заразительности. «Какой-то у тебя юмор английский», – говорим мы собеседнику, когда не вполне понимаем, что в его словах смешного.

Наверное, лучше всего английский характер и его производная – английский юмор – определяются английским же словом *understatement*: сдержанностью, недосказанностью,

подтекстом, о чем писал в своей книжке «Как быть иностранцем», этом, ставшем теперь классическим, «путеводителе» по английским, довольно своеобразным, обычаям и нравам, английский юморист, венгр по происхождению, Джордж Микеш: «У иностранцев есть душа. У англичан вместо души – подтекст». Впервые, однако, с английским «андерстейтментом» мы столкнулись не у англо-венгра Микеша, а у нашего Пушкина. В «Пиковой даме» падение Германна и обморок Лизаветы Ивановны на похоронах старой графини потряс всех присутствующих. Кроме англичанина, который, услышав, кем приходится Германн покойнице, вмещает все свои эмоции – или их отсутствие – в один-единственный звук: «Oh?» В дальнейшем, правда, нашу веру в британское умение «властвовать собой» поколебали и Гончаров во «Фрегате “Паллада”», и Герцен в «Былом и думах», и Замятин, знавшие про английский национальный характер не понаслышке. И – уже в наши дни – леденящие кровь газетные сообщения о буйстве английских футбольных болельщиков. Ныне миф об английской сдержанности и неэмоциональности развеян окончательно, однако в теории, на бумаге – в учебниках английского языка и туристических справочниках – он сохраняется, упрямо продолжает жить.

Вот и английский юмор, при более близком знакомстве с ним, не ограничивается метким замечанием, ядовитой усмешкой, умением с помощью иронического снижения (знаменитый английский anticlimax, к климаксу, впро-

чем, отношения не имеющий) осадить собеседника, понизить градус интеллектуальной полемики или бытовой перебранки. В реальности английский юмор далеко не всегда так сдержан и неуловим, как принято думать. Между чопорным джентльменом из учебника английского языка, который реагирует на нескончаемую болтовню собеседника язвительнейшими и плохо поддающимися переводу «Did you really?», «Sure enough» или «He was, wasn't he?», и каким-нибудь развеселым, неугомонным Дулиттлом (не из пьесы Шоу, разумеется, а из мюзикла «Моя прекрасная леди»), отпускающим неприличные шуточки в местном пабе, – дистанция огромного размера. Примерно такая же, как между добродушным, эмоциональным, обстоятельным юмором Диккенса и Джерома и тонкой, едкой, строго дозированной иронией Джейн Остен, «английского О. Генри» Гектора Хью Манро или Энгуса Уилсона, автора не только «проблемных» романов и новелл, но и очень смешной книжки юмористических рассказов и пародий с устрашающим, обыгрывающим знаменитое высказывание Джона Донна (и заглавие романа Хемингуэя) названием «По ком стучит заступ». Как между простодушным, незлобивым юмором Джерома и Патрика Кэмпбелла и гротеском «черных юмористов»: Джона Кольера, чьи «Причуды на сон грядущий» отбивают сон даже у самого бестрепетного читателя, Роалда Дала, владевшего высоким искусством пугать взрослых и смешить детей, или Гарольда Пинтера, умеющего даже в таких, казалось бы, легкомыслен-

ных, развлекательных театральные сценках, как «Остановка по требованию» и «Соискатель», создать у зрителя и читателя настроение полной безысходности.

Талант, в том числе и комический, не укладывается в схемы – вот почему все наши рассуждения об особенностях национального юмора к лучшим представителям этого жанра применимы с большой натяжкой. В литературной истории, особенно такой, как английская, искусство комического (вспомним пушкинское: «страна карикатуры и пародии») необычайно многолико. Это и литературный анекдот, где классики подтрунивают – нередко довольно натужно – друг над другом, и идущая от Свифта сатира-иносказание, самым талантливым образчиком которой в XX веке, бесспорно, является еще недавно крамольный «Скотный двор» Джорджа Оруэлла. Это и трагифарс в исполнении Ивлиана Во, и гротески Флэнна О’Брайена, писателя и журналиста, отличавшегося типично ирландским – трагикомическим – видением мира. Это и комедия положений, где и сегодня бессменным лидером является самый, пожалуй, плодовитый и востребованный юморист двадцатого столетия Пелам Гренвилл Вудхаус, который, написав без малого сто книг, создав незабываемые образы слуги-интеллектуала Дживса, повесы Берти Вустера, незадачливого детектива Маллинера, газетчика Псмита и проходимца и вымогателя Стэнли Акриджа, мгновенно и надолго завоевал, пусть и с опозданием на полвека, российский книжный рынок. Это и ироническое эссе, кото-

рое сочиняли почти все крупные английские писатели двадцатого столетия: Бернард Шоу, Г. К. Честертон, Сомерсет Моэм, Дж. Б. Пристли, Олдос Хаксли, и литературная пародия, стилизация, бурлеск. Пародии отдали должное такие корифеи иронии и юмора, как Джейн Остен, которой удалось, несмотря на совсем еще юный возраст, едко и со вкусом высмеять в «Любви и дружбе» штампы сентиментально-любовной литературы конца XVIII века, как Стивен Ликок, Макс Бирбом, высмеявший в «Рождественской гирлянде» практически всех крупнейших англоязычных писателей своего времени, а также Джон Коллингс Сквайр, Дж. Б. Мортон и Морис Бэринг – поэт, лингвист, дипломат, переводчик (в том числе и Пушкина) и юморист, специализировавшийся на так называемом пародийном дописывании: в «Дочери короля Лира» и в «Репетиции “Макбета”». Бэринг, перечитывая классику, переносит читателя из времен британской «старинны глубокой» в атмосферу зощенковских коммунальных квартир.

Отметим, к слову, что литературная пародия – самый, пожалуй, заметный, наиболее широко представленный комический жанр в нашей книге. Для того, чтобы за пародией рассмотреть пародируемое, посмеяться вместе с Остен, Бирбомом, Беккетом, Мортонем, Бэрингом, от читателя, помимо вкуса и чувства юмора, потребуется и немалая литературная эрудиция. Наш современник Майкл Бирсфорд Кингтон, юморист, джазист, популярный телекомментатор, рабо-

тавший в 70-е годы в «Панче», в своей «перекрестной» пародии «Дело датского принца» ухитрился одним ударом расправиться сразу с двумя классиками: Шекспиром и Конан Дойлом.

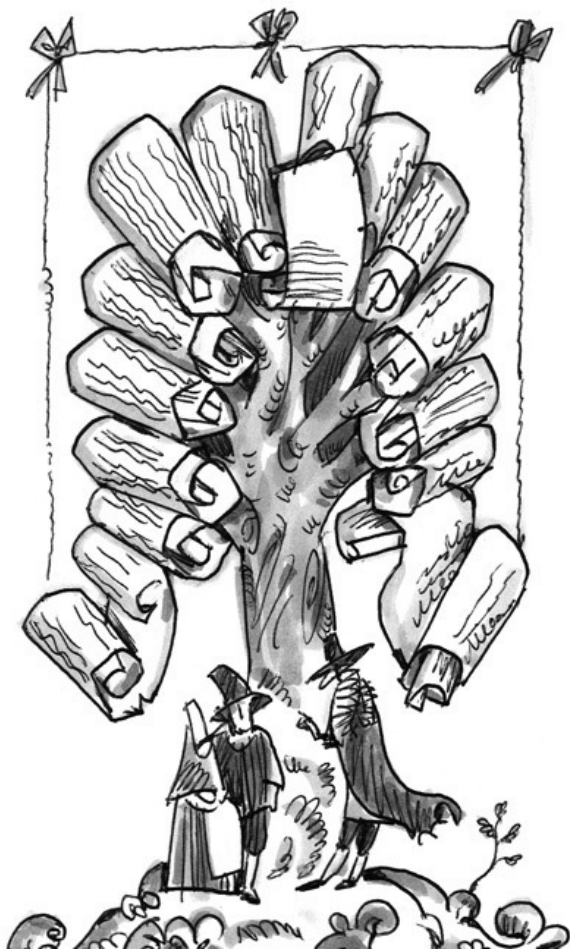
И все-таки даже у таких непохожих писателей, как известный в свое время литературный хулиган ирландец Брендан Биэн, любивший «практические» шутки в жизни и довольно изысканные – в литературе, и признанный мэтр англоязычной юмористики Стивен Ликок, занимавшийся юмором не только на практике, но и в теории; у таких разностильных и разновеликих мастеров, как столп модернистской литературы Джеймс Джойс, профессионал от юмора Дж. Б. Мортон, ежедневно, на протяжении сорока лет, изобретательно шутивший на страницах «Дейли Экспресс» под псевдонимом «Лицо без определенных занятий», как Морис Бэринг, для которого юмор был скорее увлечением, чем профессией, – несомненно, есть что-то общее.

Авторов антологии английской комической прозы «Скелет в шкафу», от самого молодого – Майкла Кингтона, до самых почтенных – Свифта, Филдинга, Голдсмита, Джейн Остен, Диккенса, Макса Бирбома или Джона Коллингса Сквайра, с одинаковой легкостью подражавшего Китсу, Уайльду, Шоу и сенсационной журналистике, до мастеров доходчивого, общедоступного юмора П. Г. Вудхауса, Нэтта Габбинза и Патрика Кэмпбелла, – роднит вовсе не легендарный британский «андерстейтмент».

Во все времена британских писателей, вне зависимости от их мировоззрения, таланта, сферы литературных интересов и жанрового своеобразия, объединяла свобода самовыражения, литературная раскрепощенность, принадлежность к литературному процессу, в котором пародия, стилизация, ирония, подтекст, сатирическое иносказание – дань давней и прославленной традиции, а не стремление любым способом скрыть творческое своеволие, «протащить» запретную тему. Представителей английской литературы смеха – британцев, ирландцев, канадцев, австралийцев – объединяет завидная уверенность в том, что любой юмор – понятный и не очень, сдержанный, заразительный, простодушный, отточенный – дойдет до читателя без посредника, не будет в поисках крамолы, литературного саботажа тщательно просеян сквозь цензурное сито.

Не является ли эта уверенность проявлением той самой свободы духа, о которой с таким вдохновением, рассуждая об отличии русского и английского литературного сознания, писал в постскриптуме к русскому изданию «Лолиты» Владимир Набоков? Свободы духа, которой, несмотря на отмену цензуры, на долгожданную возможность печатать «1984» Оруэлла и «Собачье сердце» Булгакова, «Последнюю ленту Краппа» Беккета, «Заводной апельсин» Бёрджесса и «Зияющие высоты» Зиновьева, нам до сих пор так не хватает.

Английский литературный анекдот

Уильям Шекспир. Однажды, когда Бербедж играл Ричарда III^[1], одной вдовушке актер так полюбился, что она по окончании спектакля пригласила его прийти к ней в тот же вечер в костюме Ричарда. Услышав их разговор, Шекспир отправился к вдове раньше Бербеда и с ней развлекся; когда же слуга объявил, что явился Ричард III, Шекспир заметил: «Вильгельм Завоеватель был раньше Ричарда III».

Джон Драйден. Драйден сам про себя говорил, что нрава он невеселого и особым чувством юмора не отличается. Тем не менее одна из его *bon mots* сохранилась. Поэт не особенно ладил со своей супругой леди Элизабет, на ней, если верить досужим сплетням того времени, его вынудил жениться один из ее братьев. Однажды леди Элизабет, на которую уединившийся в своем кабинете бард не обращал никакого внимания, не выдержала.

– Бог мой, Драйден, – воскликнула она, – сколько можно корпеть над этими пыльными фолиантами?! Жаль, что я не книга – тогда бы вы, может быть, уделяли мне больше внимания.

– Дорогая, – отвечал Драйден, – если вам так уж хочется быть книгой, будьте альманахом – тогда бы я менял вас каждый год.

Даниэль Дефо. Лет восемьдесят назад в деревне к запа-

ду от Труро, никак не меньше чем в пяти милях от приходской церкви, негде было помолиться. Здесь не было не только храма, но даже священных книг, если не считать молитвенника, стоявшего на полке в деревенском трактире рядом со знаменитой историей Робинзона Крузо. Однажды летом, испугавшись внезапно разразившейся сильной грозы, жители деревни сбежали в местный паб и попадали на колени. Молитву должен был читать отданный хозяйке в услужение молодой парень по имени Джек. В спешке вместо молитвенника схватил он с полки «Робинзона» и, опустившись на колени, стал, запинаясь и торопясь, читать из него. Наконец, когда он произнес имя Пятницы, хозяйка, сообразив, что произошло, закричала:

– Да ты не ту книгу взял, Джек! Ты молишься по «Робинзону Крузо».

Джек, однако, воспринял ее слова как оскорбление и как ни в чем не бывало продолжал читать, заявив, что «Робинзон Крузо» способен остановить гром и молнию ничуть не хуже молитвенника.

Мистер Тони, почтенный олдермен из Оксфорда, так любил «Робинзона Крузо», что перечитывал роман Дефо каждый год, полагая, что все написанное в этой книге – чистая правда. На его беду, один приятель как-то объяснил ему, что вымысла здесь куда больше, чем правды, и что история шотландского моряка Александра Селкерка^[2], оказавшего-

ся в результате кораблекрушения на необитаемом острове Хуан-Фернандес, сочинителем Даниэлем Дефо сильно украшена.

– Быть может, вы и сказали правду, – заметил олдермен, – но лучше б я ее не знал, ибо, раскрыв мне глаза на то, как обстояло дело, вы лишили меня одного из самых больших удовольствий преклонных лет.

Джонатан Свифт. Александр Поуп рассказывает:

– Как-то вечером мы с Геем решили навестить Свифта – вы же знаете, как мы были близки с ним. Декан встретил нас весьма сухо^[3]:

– Чем обязан, джентльмены? Что это вы вдруг решили променять знатных господ на бедного церковного настоятеля?

– Просто мы предпочитаем их обществу ваше.

– Если бы я не знал вас так хорошо, то, быть может, вашим словам и поверил. Что ж, коли пришли, прошу разделить со мной скромную мою трапезу.

– Благодарствуйте, – отвечал я, – но мы только что отужинали.

– Отужинали?! Но ведь еще нет восьми!

– И тем не менее.

– Странно, очень странно. В таком случае я ваш должник. Предположим, я угостил бы вас омарами. Скажем, по цене в два шиллинга. Пироги – кладите шиллинг. Надеюсь, что,

хоть вы и ужинали сегодня раньше времени, чтобы разорить меня, вы соблаговолите распить со мной бутылку вина?

– Увольте, мы пришли не пить, а разговаривать с вами.

– В таком случае считаем и вино – оно обошлось бы мне никак не меньше чем в два шиллинга. Два да два – четыре, да один – всего пять шиллингов. Вот, Поуп, ваши полкроны. А это – ваши, Гей. Должен же я, в самом деле, хоть как-то восполнить своим друзьям отсутствие доброго ужина, не так ли?

Однажды, когда настоятель собора Святого Патрика был в отъезде, а Стелла^[4] жила в доме его друга, человека славного, благородного и весьма гостеприимного, к нему приехал обедать один джентльмен, которому история отношений настоятеля и Стеллы была неизвестна. Поскольку в те дни только и было разговоров что о поэме Свифта «Каденус и Ванесса»^[5], гость заметил:

– Должно быть, Ванесса удивительная женщина, раз мистер Свифт сочинил о ней столь замечательную поэму.

Миссис Джонсон улыбнулась и ответила, что она в этом не убеждена, ведь хорошо известно, что Джонатан Свифт прекрасно пишет даже о метле^[6].

Однажды, совершая прогулку из Лондона в Честер, настоятель Свифт, прячась от грозы, стоял на дороге под раскидистым дубом неподалеку от Личфилда. Тут к нему присоеди-

нились мужчина и беременная женщина, также застигнутые грозой. Выяснилось, что молодые люди направлялись в Личфилдскую церковь, где их должны были обвенчать. Поскольку женщина была на сносях и нельзя было терять ни минуты, настоятель предложил молодым людям, что обручит их прямо здесь, под деревом. Предложение было с благодарностью принято, обряд бракосочетания совершен, и, когда небо прояснилось, молодые люди уже собрались было пуститься в обратный путь, но тут жених вдруг вспомнил, что без письменного свидетельства брак их недействителен. Вот что написал ему настоятель Свифт:

В листе укывшись в дождь и ветер,
Мошенника и шлюху встретил.
Теперь их может развести
Лишь Тот, кто знает все и вси.

Александр Поуп. «Кто этот Поуп, о котором столько разговоров? – осведомился однажды Георг II^[7]. – Не могу взять в толк, чем он хорош. И почему мои подданные не пишут прозой? Я часто слышу и о Шекспире, но его я читать и вовсе не в состоянии – очень уж мудрено изъясняется».

Сэмюэль Ричардсон. Отрывки из «Памелы»^[8] поначалу печатались во многих газетах, в том числе и в Престоне, в Ланкашире, где тогда жила моя тетушка. Однажды утром, подойдя к окну, тетушка увидела, что на колокольне разве-

вається флаг, и услышала звон колоколов. Служанка, которую она вызвала, чтобы узнать, что происходит, влетела в комнату, сияя от счастья, и прямо с порога закричала:

– Разве вы не знаете, сударыня?! Бедняжка Памела наконец-то вышла замуж – об этом в утренней газете сказано!

Однажды, когда миссис Барболд ехала в почтовой карете в Хэмпстед, она разговорилась с сидящим рядом французом. Оказалось, тот специально отправился на экскурсию в Хэмпстед, чтобы «собственными глазами» увидеть дом на Флакс-Уоке, где жила Кларисса Гарлоу^[9]. Каков комплимент гению Ричардсона!

Генри Филдинг. При жизни Филдингу так и не довелось позировать Хогарту^[10]. Знаменитый художник написал его портрет по памяти и, несмотря на это, добился поразительного сходства. Рассказывают, что Хогарт обязан своим успехом Гаррику^[11], который нежданно явился к художнику, на удивление точно копируя походку и манеры великого романиста.

Услышав, что его друг удручен, ибо погряз в долгах, Филдинг искренне удивился:

– Эка невидаль! Как бы я был счастлив, если б мой долг составил жалкие пятьсот фунтов!

Сэмюэль Джонсон. По словам миссис Дигби, ей и ее сестре миссис Брук, когда они жили в Лондоне, часто оказывал честь своими визитами доктор Джонсон. Однажды он посетил их вскоре после выхода в свет своего бессмертного словаря^[12]. Обе дамы всячески словарь расхваливали и среди прочего остались довольны тем, что в нем напрочь отсутствуют неприличные слова.

– Ага! Так, стало быть, вы их искали, мои дорогие! – вскричал моралист.

Одна весьма достойная юная дама была свидетельницей того, как принимали доктора Джонсона в литературном салоне покойной миссис Монтегю^[13].

Не успел наш литературный колосс войти в залу, как он был немедленно окружен несколькими юными дамами, которые взирали на него так, словно он был каким-то чудовищем из африканских пустынь.

– Не бойтесь, сударыни, – успокоил их доктор Джонсон. – Я приручен. Вы можете даже меня погладить.

На обедах у адмирала Уолсингэма собирались такие разные люди, как герцог Камберлендский, доктор Джонсон, глазной врач мистер Нэрн, оперный певец мистер Леони. Однажды присутствовавший на обеде молодой, задиристый офицер заявил, что берется проучить старого медведя, перед которым все испытывают священный страх. За едой Джон-

сон был глух к дерзостям молодого человека, однако затем, когда тот сказал: «Держитесь веселей, доктор Джонсон, не отмалчивайтесь, скажите-ка нам, что бы вы дали, чтобы стать таким же молодым и энергичным, как я?» – отпарировал: «Я, пожалуй, чтобы не отстать от вас, отдал бы свой ум».

Лоренс Стерн. Вскоре после того, как «Тристрам Шенди»^[14] увидел свет, Стерн спросил одну знатную даму, читала ли она его книгу.

– Нет, мистер Стерн, не читала. Мне, если хотите всей правды, очень не советовали за нее браться. Говорят, она чудовищно непристойна.

– Помилуйте, – отвечал автор «Тристрама», – вы меня удивляете. Взгляните хотя бы на вашего младенца. (Тот в это время голышом катался по ковру.) Ему ведь случается показывать миру то, что принято скрывать, но разве его поведение назовешь непристойным?

Оливер Голдсмит. Голдсмиту вечно доставалось от доктора Джонсона, который был не в пример остроумней и язвительней. Но однажды отличился и Голдсмит. Разговор зашел о баснях. Голдсмит заметил, что берется написать хорошую басню, ибо дело это несложное, нужно только, чтобы звери говорили каждый «на своем языке», что, впрочем, баснописцам удается не часто.

– Взять, к примеру, басню о рыбках, – продолжал Гол-

дсмит, – которые, позавидовав крылатым, попросили Юпитера обратить их в птиц. – Тут, заметив, что Джонсон еле сдерживается от смеха, Голдсмит прервал свою тираду и обратился к приятелю со следующими словами: – Это, между прочим, не так просто, как кажется. Если бы случилось изобразить рыб вам, доктор Джонсон, они бы больше смахивали на китов.

Ричард Бринсли Шеридан. Шеридан не только не обиделся, но остался очень доволен, когда один из членов труппы припомнил слова критика Мери, сказанные им на премьере «Школы злословия»^[15] в конце второго акта: «Хватит действующим лицам болтать! Пора начинать пьесу!»

Однажды вечером, когда в Друри-Лейн шла «Школа злословия», театру оказали честь своим посещением его и ее величества. Садясь после спектакля в карету, король сказал провожавшему его Шеридану:

– «Школа злословия» мне очень нравится, но «Соперников» я, признаться, люблю больше^[16]. Могу их смотреть бесконечно.

– Когда же, мистер Шеридан, мы увидим ваш очередной шедевр? – в свою очередь, поинтересовалась у драматурга королева, на что Шеридан ответил, что пишет комедию, которую в самом скором времени собирается закончить.

На следующий день, гуляя с ним по Пикадилли, я спро-

сил, сказал ли он королеве, что пишет пьесу. Шеридан ответил утвердительно.

– А по-моему, – сказал я, – вы уже больше ничего не напишете. Вы ведь боитесь.

– Кого же я боюсь? – спросил Шеридан.

– Автора «Школы злословия», – ответил я.

Кольридж, не без влияния Шеридана, в один прекрасный день сочинил трагедию, играть которую решили в Друри-Лейн. На читке пьесы присутствовал и Шеридан, который остроумной шуткой чуть было не испортил все дело. Действие одной из сцен происходило в пещере, со стен которой сочилась вода. Монолог одного из героев, укрывшегося в пещере, начинался – очевидно, не случайно – со слов: «Воды, воды!» На этом месте Шеридан не выдержал и воскликнул:

– Какая несправедливость! Герои трагедии мучаются жаждой, между тем как сама трагедия – одна сплошная вода!

Роберт Бёрнс. Рассказывают, что Бёрнс любил демонстрировать искусство пахаря. Как-то он поспорил с одним крестьянином, кто больше вспашет. Бёрнсу взять верх не удалось.

– Вот видишь, Роберт, – сказал крестьянин, – у меня получается ничуть не хуже.

– Слов нет, – отвечал Бёрнс, – пашешь ты отменно, но кое в чем ты все-таки уступил мне. За это время я сочинил два

стихотворения!

Уильям Вордсворт. Однажды, гуляя по Пэлл-Мэлл, мы с Вордсвортом вошли в антикварную лавку «Кристис», где висела очень хорошая копия «Преображения», которую он раскритиковал в пух и прах. В углу стояла скульптура целующихся Купидона и Психеи. Повернувшись спиной к «Преображению», Вордсворт с выражением лица, которое я никогда не забуду, покосился на Купидона и Психею и процедил: «Вот черти!»

Когда кто-то заметил, что следующим романом Скотта будет «Роб Рой»^[17], Вордсворт снял с полки свой том «Баллад»^[18], прочел вслух «Могила Роб Роя», а затем, поставив том обратно, заметил:

– По-моему, к уже сказанному мистеру Скотту добавить больше нечего.

Один мелкий банковский служащий пытался убедить своего собеседника, будто большую часть стихов Вордсворт написал в темноте. «Вам, наверно, не верится, однако это чистая правда – он сам мне рассказывал. Обычно это происходило так: перед тем как лечь спать, Вордсворт клал карандаш и бумагу у своего изголовья, и, как только вдохновение посещало его, он, не медля ни секунды, даже не зажигая свечи, принимался сочинять стихи. Нет сомнения, – продолжал чи-

новник запальчиво, – что каждый, кто пишет стихи в темноте, по праву может считаться истинным поэтом. Только под покровом ночи начинает вибрировать неподдельная поэтическая струна. У того же Вордсворта есть стихи, которые я взялся бы написать сам, зажги я свечу или работая при свете дня, но ночью, в кромешной тьме, это было бы и мне не под силу. Ведь нужно к тому же научиться разбирать собственный почерк. Нет, что ни говорите, Вордсворт – великий поэт!»

Вальтер Скотт. Вальтер Скотт любил рассказывать историю о некоем Микле, возомнившем себя великим поэтом. Лучшие свои стихи Микль сочинял во сне, но, на свою беду, утром не мог вспомнить ни строчки. «То, что я сочиняю во сне, не идет ни в какое сравнение с тем, что я пишу при свете дня», – уверял незадачливый поэт. Как-то утром он, по обыкновению, принялся сетовать на свою горькую поэтическую судьбу. Жена его успокоила.

– Под утро, – сказала она, – я проснулась и слышала последние строчки твоего ночного шедевра. Вот они:

Я не боюсь врагов хулы
Излить на кустик примулы.

Сэмюэль Тейлор Кольридж. Был в Риджентс-парке, где мне рассказали историю про Кольриджа. Однажды он

ехал верхом, не помню с кем, в Кезвик, в старом, вышедшем из моды сюртуке. Увидев приближающихся знакомых, он предложил, что поедет сзади и притворится слугой своего спутника, на что его спутник якобы сказал:

– Нет. Я горжусь, что вы – мой друг, но иметь такого слугу мне было бы стыдно.

Кольридж был великолепным собеседником. Однажды утром, когда Хукем Фрир, Кольридж и я вместе завтракали, Кольридж три раза кряду, не запнувшись, заговаривал о поэзии, и я искренне пожалел, что сказанное им никто не записывал. Иногда, впрочем, его рассуждения бывали совершенно невнятными, их не мог понять не только я, но и другие. Однажды днем, когда он занимал квартиру за Пэлл-Мэллом, мы с Вордсвортом зашли его навестить. Часа два Кольридж говорил не переставая, и Вордсворт слушал его с глубоким вниманием, то и дело в знак согласия кивая головой. Когда мы вышли, я спросил Вордсворта:

– Вы что-нибудь поняли из того, что он говорил? Я, признаться, не понял ни единого слова.

– И я тоже, – последовал ответ.

Когда Кольридж рассуждал о поэзии, он забывал все на свете. Лэм рассказывает, что как-то, увлекшись, поэт схватил его за пуговицу сюртука и принялся развивать очередную идею. При этом глаза его были закрыты и он размахивал

свободной рукой в такт речи. Шло время. Кольридж говорил, не умолкая ни на секунду. Лэм покорно топтался на месте до тех пор, пока не услышал, как церковные часы пробили полдень. Это вывело его из оцепенения. Прервать увлеченного собеседника не было никакой возможности. Лэм незаметно вытащил из кармана перочинный нож, отрезал пуговицу – и был таков, освободив себя от необходимости прерывать непомерно затянувшуюся филиппику рассеянного приятеля. Каково же было его изумление, когда спустя некоторое время, возвращаясь домой мимо того места, где он оставил Кольриджа, Лэм обнаружил, что тот стоит как стоял, с закрытыми глазами, размахивая одной рукой в такт речи и держа в другой пуговицу от сюртука, с лихвой заменившую ему неблагодарного слушателя.

Роберт Саути. Вернувшись с озер, я передал Порсону слова Саути, сказавшего мне:

– «Мэдок»^[19] принес мне немного денег, но этой поэмой будут гордиться мои потомки.

– «Мэдока» будут читать, только когда забудут Гомера и Вергилия, – сказал Порсон.

Уильям Хэзлитт. Однажды Джон Лэм (брат Чарльза) сбил с ног оскорбившего его Хэзлита. Когда присутствовавшие при этом эпизоде стали уговаривать Хэзлита пожать обидчику руку и простить его, тот сказал:

– Мне его прощать не за что. Я метафизик, и мне безразлично, когда меня бьют. Сбить меня с ног может только идея.

Джордж Гордон Байрон. Он заказал обед из *tratteria*¹, и в ожидании обеда и мистера Александра Скотта, которого он пригласил провести с нами вечер, мы вышли на балкон полюбоваться, пока не стемнело, каналом.

Когда же я, глядя на еще светлое на западе небо, заметил, что «в итальянских закатах есть какая-то удивительная розовая поволока», лорд Байрон, стоило мне произнести «розовая поволока», зажал мне рот рукой и со смехом сказал:

– Черт возьми, Том, умерь свой неумный поэтический темперамент!..

Перси Биши Шелли. Саути любил читать вслух свои скучнейшие эпические поэмы. Друзья обязаны были внимать ему. Однажды этой пытке подвергся и Шелли. Саути заманил свою жертву в кабинет на втором этаже, запер потихоньку дверь и сунул ключ в карман. Оставалось, правда, распахнутым окно, но было оно так высоко, что сам барон Мюнхгаузен не рискнул бы через него спастись.

– Надеюсь доставить вам удовольствие, – сказал рачительный хозяин. – Устраивайтесь поудобней и наберитесь терпения.

Делать нечего, юный Шелли вынужден был повиноваться.

¹ трактира (*итал.*).

Саути тем временем сел напротив за стол, раскрыл тетрадь и принялся за чтение. Вскоре он так увлекся собственным опусом, что совершенно перестал следить за реакцией покорного слушателя. Тот, в свою очередь, никак себя не обнаруживал. Первый раз Саути оторвал глаза от тетради лишь спустя несколько часов. Шелли в кресле не было; убаюканный монотонным чтением и туманным смыслом, он, сам того не заметив, сполз со стула и теперь крепко спал, уютно устроившись в ногах хозяина дома.

Ничего удивительного поэтому, что отношения у Шелли и Саути не сложились.

Однажды Шелли случилось путешествовать в почтовой карете. День выдался жаркий. Неожиданно экипаж остановился, и кучер посадил в него толстую старую крестьянку с двумя корзинами и мешком в придачу. Крестьянка опустила поклажу на пол и уселась возле Шелли, обдав его терпким запахом пота. Вдобавок корзины и мешок были доверху набиты гнилыми яблоками и луком. Дорога предстояла долгая, юный поэт был слишком нежным существом, чтобы на протяжении всего путешествия вдыхать «букет зловоний сей». Шелли стало дурно, но тут счастливая мысль его осенила. Вдруг вид его сделался ужасен, он весь побелел, повалился со скамьи на пол и, замахав руками, истошно закричал:

Давайте сядем наземь и припомним

Предания о смерти королей.
Тот был низложен, тот убит в бою,
Тот призраками жертв своих замучен,
Тот был отравлен собственной женой,
А тот во сне зарезан – всех убили².

«Господи, помилуй и спаси! – заголосила до смерти напуганная старуха. – Спасите, Христом Богом молю, спасите!»

Когда же Шелли прокричал последние слова «всех убили», бедная женщина, похватав свои корзины и мешок, распахнула дверцы почтовой кареты и со словами «Убивают!» выскочила из нее на ходу. Своим избавлением Шелли был в равной степени обязан собственной находчивости, Ричарду III и великому Шекспиру.

Томас Карлейль. Вечером разговор зашел о войне в Соединенных Штатах^[20].

– Они режут друг другу глотки только потому, – заметил Карлейль, – что одни предпочитают нанимать себе прислугу на всю жизнь, а другие – на час-другой.

Россетти рассказывал, как Карлейль, гуляя с Уильямом Аллингемом в окрестностях Кенсингтонского музея^[21], поделился с ним своими планами написать жизнеописание Микеланджело, а затем, уловив повышенный интерес своего

² Перев. А. Радловой.

спутника, заметил:

– Но имейте в виду, про его искусство в этой книге написано будет немного.

Альфред Теннисон. Когда Теннисон появился в Оксфорд-тиэтр, где ему должны были вручать почетный диплом доктора церковного права, его красивые, вьющиеся волосы были разбросаны по плечам в полном беспорядке.

– Мальчик, что-то ты загулялся. Иди домой, мамочка зовет! – раздался чей-то голос с галерки.

Восторженная почитательница Теннисона, к своему несказанному удовольствию, однажды сопровождала поэта в прогулке по его старому английскому саду. Они спустились по склону холма; Теннисон молчал, не произнесла ни звука и гостья, боясь, что пропустит бесценное высказывание великого человека. Молчание длилось все время, пока они прогуливались по саду. Когда же они вернулись к тому месту, откуда их прогулка началась, Теннисон внезапно обронил: «Уголь нынче дорог». Гостья не нашлась что ответить, Теннисон же, промолчав еще несколько минут, заговорил вновь. «Мясо я покупаю в Лондоне», – сообщил он, после чего вновь воцарилось молчание. И тут поэт-лауреат^[22], остановившись возле обглоданных, поникших гвоздик, с жаром, словно подводя итог разговору, воскликнул: «Опять эти проклятые кролики!» Прогулка с великим человеком подо-

шла к концу.

Уильям Мейкпис Теккерей. Как-то Теккерей вынужден был ждать своего издателя в приемной, устланной огромным ковром с сочным красно-белым узором. Когда издатель наконец появился, автор «Ярмарки тщеславия» в сердцах произнес:

– Все это время я не спускал глаз с вашего восхитительного ковра. Здесь он как нельзя более кстати. Он выткан из крови и мозгов ваших несчастных авторов.

На замечание собеседника о том, «какое, должно быть, счастье ощущать себя преуспевающим романистом», Теккерей мрачно ответил:

– Лучше работать в каменоломне.

Роберт Браунинг. В письме к другу в августе 1873 года Роберт Браунинг пишет: «Вчера я получил очередной номер “Спектейтора”^[23], где сказано, что я назвал Байрона “камбалой”... Это сушая клевета. В жизни своей не посягнул я на его поэтический дар. Впрочем, однажды я действительно высказался в том смысле, что если бы Байрон воплотил в жизнь свои поэтические мечтания и предпочел морское царство земному, с рыбами он ужился бы не в пример лучше».

Обедая однажды у Роберта Браунинга, я стал свидетелем

следующей сцены. Какой-то не в меру пылкий его почитатель весь вечер не отпускал поэта от себя; держа его за пуговицу сюртука, он засыпал его вопросами: что Браунинг хотел сказать этой строкой, в чем смысл этого образа и т. д. Наконец терпение поэта лопнуло, и он со свойственной ему светской непринужденностью заметил своему увлекшемуся почитателю:

– Простите меня, ради бога. Я вижу, я вас совсем заговорил!

Чарльз Диккенс. Диккенс, как известно, был замечательным рассказчиком. Вот одна из любимых его историй.

Англичанин и француз договорились драться на пистолетах в крохотной комнатке с потушенными свечами. Благородный англичанин, не желая понапрасну проливать кровь ближнего, на ощупь пробрался к камину и разрядил свой пистолет в дымоход. И что же? Он убивает наповал несчастного француза, который со страху забрался в камин.

– Когда я рассказываю эту историю в Париже, то, разумеется, прячу в камин англичанина, – добавлял Диккенс.

Форстер^[24] объяснял Диккенсу, что смерть малютки Нелл^[25] – художественная необходимость, и Диккенс с ним согласился, однако когда стало ясно, что малютке Нелл не выжить, писателю стали приходиться сотни писем, в которых читатели умоляли его пощадить бедняжку. Сам Диккенс,

описывая ее последние минуты, испытывал, по его же собственным словам, «невыразимую тоску»; то же и читатели. Когда Макреди, вернувшись из театра^[26], открыл очередной номер журнала, где печаталась «Лавка древностей», и увидел иллюстрацию, на которой изображалось мертвое дитя, лежавшее у открытого окна с букетиком остролиста на груди, у него упало сердце. «Никогда прежде, – записывает он в своем дневнике, – не приходилось мне читать набранные типографским способом слова, которые бы причинили мне столько боли. У меня не было даже сил разрыдаться...» Ирландский политик Дэниел О'Коннелл^[27], читавший «Лавку древностей» в поезде, не смог сдержать слез и, прохрипев: «Он не должен был ее убивать», в сердцах выбросил книгу из окна. Даже Томас Карлейль, известный своим пренебрежительным отношением к Диккенсу, был очень тронут. Говорят, встречавшие пароход, который входил в нью-йоркскую гавань, громко кричали с причала: «Скажите, малютка Нелл умерла?»»

Уилки Коллинз. Вскоре после выхода в свет «Женщины в белом»^[28], когда вся Англия была без ума от «отъявленного негодяя» Фоско, Коллинз получил письмо от дамы, которой в дальнейшем предстояло сыграть в общественной жизни страны немалую роль. Довольно сухо поздравив писателя с успехом, дама писала: «Отрицательный герой, однако, Вам решительно не удался. Простите, но Вы плохо себе пред-

ставляете, что такое отъявленный негодяй. Ваш граф Фоско лишь бледная копия истинного мерзавца, поэтому, когда в следующий раз Вам понадобится подобный персонаж, очень Вам рекомендую обратиться ко мне. У меня перед глазами стоит негодяй, который с легкостью затмит любого самого отрицательного литературного персонажа. Только не подумайте, что я его себе вообразила. Человек этот жив, и вижу я его постоянно. Речь идет о моем собственном муже». Автором письма была жена Эдуарда Булвер-Литтона^[29].

Алджернон Чарльз Суинберн. Однажды Суинберн увидел в зеркале свою крошечную горбатую фигурку. Не задумываясь, он разбил кулаком стекло, решив, что какой-то негодяй выставил его на посмешище и заслуживает наказания.

За обедом я оказался рядом с восьмидесятилетним джентльменом, который довольно скоро ударился в воспоминания.

– Если взрослый человек или школьник (разницы никакой) не ладит с людьми, это его собственная вина, – начал он. – Помню, когда я еще учился в Итоне^[30], нас собрал староста класса и, указав на стоявшего поодаль коротышку с копной волнистых рыжих волос, сказал: «Если увидите этого парня, пните его ногой. Если не дотянетесь ногой, бросьте в него камень...»

– Этого коротышку, если не ошибаюсь, звали Суинберн, – добавил старик. – Одно время, помнится, он сочинял стишки, а чем занимается теперь, понятия не имею.

Вскоре после выхода в свет «Стихотворений и баллад»^[31] в Англию приехал Эмерсон и в одном из интервью очень резко, даже оскорбительно отозвался о сборнике поэта. Суинберн послал в газету письмо, где говорилось, что Эмерсон никак не мог написать то, что ему приписывалось. Ответа на письмо Суинберна не последовало, и поэт пришел в бешенство. Спустя некоторое время Госс и Суинберн гуляли в Грин-парке, и разговор зашел об Эмерсоне. Оказалось, что Суинберн написал в газету и второе письмо.

– Надеюсь, вы не позволили себе резких выражений, – сказал Госс.

– Нет, конечно.

– И что же вы написали?

– Я был предельно сдержан и сохранял полное самообладание.

– И все-таки что вы ему написали?

– Я назвал его, – сказал, как всегда нараспев, Суинберн, – «сморщенным, беззубым бабуином, гнусным подпевалой Карлейля, грязным и подлым сплетником, брызгающим во все стороны своей ядовитой слюной».

Это письмо, как и предыдущее, почему-то осталось без ответа.

Томас Гарди. Издатель «Грэфика», где серийными выпусками печатался роман «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»^[32], предложил автору переписать сцену, где Энджел Клэр переносит на руках через затопленную улицу Тэсс и трех других молочниц. Для журнала, предназначенного для семейного чтения, сказал издатель, было бы более уместно и благопристойно, если бы девушек перевозили через затопленную улицу в тачке, а не несли на руках. Гарди подчинился и внес в текст соответствующие коррективы.

Генри Джеймс. Генри Джеймс пожаловался нам, что Элен Терри^[33] попросила написать для нее пьесу, а когда пьеса была готова и ей прочитана, от предназначенной ей роли отказалась.

– Быть может, – сказала моя жена, желая успокоить писателя, – она подумала, что ей эта роль не подходит?

Г. Д. повернулся к нам и дрожащим от гнева голосом выкрикнул:

– Подумала, говорите?! *Подумала?!* Неужели эта несчастная, беззубая, болтливая карга может думать?!

Оскар Уайльд. На экзамене в Оксфорде Оскара Уайльда попросили перевести с греческого отрывок из Евангелия, где говорилось о страстях Господних. Уайльд начал переводить – бойко и без ошибок. Экзаменаторы остались доволь-

ны и велели ему остановиться, однако будущий писатель, не обращая внимания на их слова, продолжал переводить. Наконец, экзаменаторам удалось все же остановить молодого человека, которому было сказано, что его перевод вполне удовлетворителен.

– Нет-нет, – сказал Уайльд. – Позвольте мне продолжать. Мне хочется узнать, чем кончилось дело.

Американские репортеры, которые бросились к Уайльду^[34], когда пароход подошел к причалу, были несколько смущены его внешностью: писатель больше походил на спортсмена, чем на эстета. Верно, у него были длинные волосы бутылочного цвета, отороченный мехом сюртук, а на голове красовалась круглая шапочка из котика, но вместе с тем это был человек исполинского роста с устрашающего вида кулаками. Писатель, естественно, ожидал, что вопросы ему будут задавать о цели его приезда, однако репортеры принялись расспрашивать, как ему понравилась корабельная яичница, хорошо ли ему спалось в каюте, занимался ли он во время плаванья своими холеными ногтями и какую ванну, горячую или теплую, он предпочитает. Когда Уайльд отвечал на все эти и многие другие вопросы, видно было, что они его нисколько не занимают, – пришлось поэтому прибегнуть к помощи пассажиров, которые с охотой принялись рассказывать прессе, что Уайльду путешествие показалось «чудовищно унылым», что «ревуший» океан, вопреки его ожиданиям, не ревел и что шторма, который бы все сметал с палубы и

ради которого писатель, собственно, и пустился в плавание, не было ни разу. Репортерам было этого вполне достаточно, чтобы написать, что «Уайльд разочарован Атлантикой». Эта фраза принесла писателю куда больше известности, чем все его эстетические взгляды, равно как и суждения о преимуществе омлета над яичницей. Сознывая, что в ответах репортерам он не оправдал ожиданий публики, Уайльд решил напоследок сказать нечто запоминающееся. На традиционный вопрос таможенника: «Вам есть что заявить?» – он ответил:

– Нет, заявить мне нечего. – И, выдержав паузу, добавил: – Если не считать своей гениальности^[35].

Однажды на приеме у лондонского епископа я услышал, как одна дама спросила Уайльда, не идет ли он вечером обедать в Театральный клуб, члены которого были известны своей предвзятостью и нетерпимостью. Они, к примеру, освистали Генри Джеймса, когда тот после окончания спектакля по его пьесе «Гай Домвилл» вышел кланяться. Ясно было поэтому, что если Уайльд примет приглашение, не поздоровится и ему.

– И вы еще спрашиваете, пойду ли я на обед в Театральный клуб? – сказал Уайльд даме. – Я буду чувствовать себя там как несчастный лев, брошенный в ров со свирепыми Даниилами^[36].

Бернард Шоу. Первое представление «Оружия и челове-

ка»^[37] имело колоссальный успех. Автор вышел к зрителям и был встречен громкими аплодисментами. Когда аплодисменты смолкли, с галерки неожиданно послышался свист. Свистел Холдинг Брайт, впоследствии очень удачливый литературный агент, который решил, что, высмеивая ходульных балканских солдат, Б. Шоу на самом деле имеет в виду английскую армию. Драматург поклонился ему и сказал:

– Я совершенно с вами согласен, сэр, но что могут сделать двое против целого зала?

Уильям Батлер Йейтс. Однажды мы с Йейтсом заговорили о миссис Патрик Кэмпбелл, которая играла в его «Дейдре»^[38]. По словам Йейтса, на репетициях к актрисе лучше было не обращаться. Однажды, как всегда разъяренная, она подошла к рампе и, уставившись на Йейтса, мерившего шагами партер Театра Аббатства^[39], крикнула ему:

– Я бы многое дала, мистер Йейтс, чтобы знать, о чем вы сейчас так сосредоточенно думаете!

– Я сейчас думаю о начальнике маленькой железнодорожной станции, затерявшейся в джунглях Индии, который посылает в управление своей компании телеграмму следующего содержания: «На линии тигрица. Жду инструкций».

Хилэр Беллок. В этом году вышли три его книги, и я позволил себе заметить, что это «перебор» – люди не станут покупать сразу три произведения одного и того же автора, кем

бы тот ни был.

– Пожалуй, вы правы, – заметил Беллок. – Я об этом тоже задумывался. Начинающему писателю, который еще только стремится к славе, я советую сосредоточиться на одной теме. Почему бы ему в двадцатилетнем возрасте не написать, скажем, про дождевого червя? И пусть потом, в течение еще сорока лет, продолжает писать только о дождевых червях, и ни о чем больше. Когда же ему исполнится шестьдесят, паломники проторят тропу к крупнейшему в мире авторитету по дождевым червям. Они постучат в его дверь и униженно попросят, чтобы их допустили к Творцу дождевого червя.

Литтон Стрэчи. Литтон Стрэчи был негоден к военной службе, однако медкомиссии он предпочел суд, чтобы во всеуслышание высказать свои пацифистские взгляды. На традиционный вопрос председателя: «Насколько я понимаю, мистер Стрэчи, вы принципиально не приемлете войну?» – Стрэчи своим забавным фальцетом отвечал:

– Нет, нет, не всякую войну. Только эту.

Еще лучше был ответ на второй вопрос: «Скажите, мистер Стрэчи, что бы вы сделали, если б увидели, что немецкий солдат насилует вашу сестру?» Изобразив на лице благородное негодование, Стрэчи изрек:

– Я бы попытался встать между ними.

Джеймс Джойс. По пути на Ратленд-сквер я сообщил

Джойсу^[40], что сегодня день рождения Йейтса, о чем пишут все газеты, и что леди Грегори собрала по подписке сорок фунтов, на которые купила Йейтсу келмскоттское издание Чосера с рисунками Уильяма Морриса^[41]. Услышав эту новость, Джойс вышел на первой же остановке трамвая и направился в Кавендиш-отель, где тогда жил Йейтс. Когда Йейтс открыл ему дверь, Джойс спросил:

– Сколько вам лет, сэр?

– Сорок, – ответил Йейтс.

– В таком случае прощайте. Вам моя помощь уже не пригодится.

Пару раз Джойс диктовал Беккету «Поминки по Финнегану»^[42], хотя в принципе диктовать не любил. Однажды во время диктовки в дверь кабинета постучали. Джойс сказал: «Войдите», и Беккет, который стука не слышал, эти слова записал. Когда же спустя некоторое время он прочел Джойсу вслух записанное, Джойс спросил:

– Откуда взялось это «войдите»?

– Так вы сказали, – ответил Беккет.

Джойс подумал немного, а потом сказал:

– Пусть остается.

Когда какой-то молодой человек подошел к Джойсу в Цюрихе^[43] и сказал: «Можно я поцелую руку, написавшую “Улисса”?» – Джойс ответил ему в духе короля Лира:

– Нет, нельзя. Эта рука делала и многое другое.

Томас Стернз Элиот. С Элиотом я познакомился в 1946 году, когда работал редактором в издательстве «Харкорт-Брейс», которое возглавлял тогда Фрэнк Морли. Мне было едва за тридцать, Элиоту под шестьдесят...

Мы сидели в ресторане «Японский сад» в старом «Ритц-Карлтоне», через дорогу от издательства. Элиот держался со мной запросто. Только мы сели, как он спросил:

– Скажите как издатель издателю. Авторы причиняют вам немало хлопот?

Я не мог не рассмеяться. Засмеялся и он – глухим, раскатистым смехом. С этого дня и началась наша дружба. Запомнился мне и его ответ на мой вопрос, согласен ли он с тем, что большинство издателей – это неудавшиеся писатели.

– Это касается не только издателей, но и писателей, – заметил Элиот.

Одно из довольно частых столкновений между Элиотом и Йейтсом произошло на обеде в Уэллсли-колледже. Йейтс сидел рядом с Элиотом, но по своей всегдашней рассеянности совершенно забыл про него и разговаривал исключительно с соседом справа. Уже перед самым уходом он повернулся к Элиоту и спросил:

– Мы тут с моим знакомым критикуем стихи Т. С. Элиота. А что вы о них думаете?

Дабы избежать ответа на столь каверзный вопрос, Элиот лишь молча показал пальцем на стоявшую перед его прибором карточку со своим именем.

Дилан Томас. Дилан и Кейтлин жили тогда в гостинице «Омар» в Маусхолле. Изрядно в тот вечер выпив, мы спустились с холма, над которым висел огромный, ослепительно белый месяц, отражавшийся в неподвижной воде бухты. Окружавшая нас красота вызывала у Дилана неподдельное бешенство, он сравнивал величественный пейзаж с «видовыми» открытками, что шлют с курортов, громко и смачно ругался и, наконец, помолчав, сказал:

– Кто-то мне осточертел. Уж не я ли?

Джонатан Свифт

Когда я состарюсь, то обязуюсь...

Не жениться на молодой.

Не водить дружбы с молодежью, не заручившись предварительно ее согласием.

Не быть сварливым, угрюмым или подозрительным.

Не критиковать современные нравы, обычаи, а также политиков, войны и т. д.

Не любить детей, не подпускать их к себе.

Не рассказывать одну и ту же историю по многу раз одним и тем же людям.

Не скупиться.

Не пренебрегать приличиями.

Не относиться к молодежи с пристрастием, делать скидку на юность и неопытность.

Не прислушиваться к глупым сплетням, болтовне прислу-

ги и т. д.

Не навязывать свое мнение, давать советы лишь тем, кто в них нуждается.

Не болтать помногу, в том числе и с самим собой.

Не хвастаться былой красотой, силой, успехом у женщин и т. д.

Не прислушиваться к лести, не верить, будто меня, старика, может полюбить прелестная юная особа.

Не быть самоуверенным или самодовольным.

Не браться за выполнение всех этих обетов из страха, что выполнить их не удастся.

Правила светской беседы

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Lord Sparkish – лорд Поблекли.

Lord Smart – лорд Толк.

Sir John Linger – сэръ Джон Впол.

Mr. Neverout – мистер Взаперти.

Colonel Atwit – полковник Умней.

Lady Smart – леди Толк.

Miss Notable – мисс Глазки.

Lady Answerall – леди Свиристи.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

Дамы пьют чай и беседуют.

Леди Толк. Ну-с, дорогие гости, давайте удовлетворим жажду, а заодно – и любопытство. Сядем, как говорится, рядом – поговорим ладком.

Леди Свиристи. Что бы вы сказали о нашем общем знакомом сэре Джоне Моте?

Леди Толк. Одно могу сказать, сударыня: ему с отцом по-

везло, а вот отцу с ним – нет.

Мисс Глазки. Говорят, он плохой муж.

Леди Свиристи. Что, впрочем, не мешает ему быть любящим отцом. Чем хуже муж – тем лучше отец.

Леди Толк. Что верно, то верно, сударыня, ведь говорят же: с собственными детьми сам дьявол ласков.

Мисс Глазки. Я слышала, супруга из него веревки вьет.

Леди Толк. И за нос водит. Ничего удивительного: она хитра, как сто чертей. И так же честна.

Леди Свиристи. Говорят, она обделена его ласками. В отличие от других представительниц прекрасного пола.

Леди Толк. Его ласками – может быть. Надо быть слепцом, чтобы не видеть, как нежно он ее любит.

Мисс Глазки. И я слышала, сударыня, что она играет с ним, точно кошка с мышкой.

Леди Свиристи. Тоже мне мышка!

Леди Толк. Сударыня, у меня такое чувство, будто я читаю ваши мысли.

Леди Свиристи. Сударыня, на днях мне довелось беседовать с миссис Топот. Эта особа, нет, вы только вообразите, кичится знакомством с вами.

Мисс Глазки. Жуткое создание! Вы не обратили внимание на ее ноготки? Они у нее такой длины, что впору собственную бабушку из могилы выкопать.

Леди Толк. Вечно они с лордом Балаболом обмениваются сомнительными комплиментами. Помните: «За что же, не

боясь греха, кукушка хвалит петуха...»

Мисс Глазки. Ну да, ты – мне, я – тебе. Но скажите, сударыня, где вы с ней повстречались?

Леди Свиристи. И вы еще спрашиваете, где, милочка? В свете, где ж еще. В большом свете. Боже, кого там только не было! И миссис Топот, и леди Ври, и графиня Вру (*мне следовало с нее начать*), и Том Балабол, и еще несколько человек – всех и не запомнишь...

Леди Толк. Я слышала, графиня занемогла.

Леди Свиристи. Да уж, такие, как она, до седых волос, увы, не доживают.

Мисс Глазки. И о чем же вы беседовали?

Леди Свиристи. Миссис Топот, как водится, только о себе и говорила. На жизнь жаловалась.

Леди Толк. Это она-то жаловалась на жизнь?! У ее мужа десять тысяч годового дохода, один дом в городе, второй – в деревне. Мало ей?

Леди Свиристи. Про таких, как она, говорят: еще лестницы нет, а ей уже наверх подняться приспичило.

Мисс Глазки. Говорят, все сравнения хромают, но они с мужем – два сапога пара, согласитесь? Скажите, а как она была одета?

Леди Свиристи. Не одета, а разодета. В пух и прах. Но, как говорится, не в коня корм.

Леди Толк. А чем занимается ее муж? Я с ним незнакома.

Леди Свиристи. В самом деле? Он из судейских – в том

смысле, что всех судит. Судейский, а пьет как сапожник!

Мисс Глазки. Что ж он за человек?

Леди Свиристи. Точно такой же, как и его жена. Известное дело: муж и жена – одна сатана. Он, правда, толстый, как боров, а она корова тощая плотью, как во сне фараона³. Да мы и Том Балабол предложили сыграть партию в кадрили, но мистер Топот в карты играть наотрез отказался. В воскресенье, говорит, не играю. Вот в четверг, да еще после дождичка, – со своим удовольствием.

Леди Толк. Какой, однако, сумасброд! Всем досадил, всех в тупик поставил, всех за нос водит. Что ж, насильно, как говорят, мил не будешь.

Мисс Глазки. Мой Бог, сударыня, ни за что не водила бы дружбы с такими людьми! А если попросту, и на одном поле бы...

Леди Толк. Фи, милочка, стыдитесь! Это же вопрос привычки, как вы не понимаете. Она ведь, известное дело, выше нам дана. И потом, если уж заводишь знакомство, то по пословице: один друг – хорошо, а двое еще лучше.

Мисс Глазки. А вы, ваша светлость, сели играть?

Леди Свиристи. Да, и, представьте, выиграла. Собрала, как говорится, неплохой урожай. Как это в народе шутят: и рыбку съела, и костью не подавилась...

Леди Толк (*мисс Глазки*). Что это вы, милочка?

Мисс Глазки. Нос что-то чешется – не иначе, влюб-люсь

³ Библейская аллюзия. Бытие, 41: 3.

скоро.

Леди Толк. А у меня левая рука чешется. Это, говорят, – к деньгам.

Леди Свиристи. А у меня – правый глаз. К слезам.

Леди Толк. До меня дошли слухи, милочка, будто ваша подруга, миссис Вертопрах, рассталась с Диком Сердцеедом. Не знаете ли случаем, у нее теперь другой воздыхатель?

Мисс Глазки. Спросите что-нибудь полегче.

Леди Толк. Я слышала, Дик богат, как Крез, и она сглупила, поспешив от него избавиться. Не зря ж говорят: поспешишь – людей насмешишь. (*Мисс Глазки.*) На вас очень красивое платье, милочка. И сидит превосходно. Просто прелесть.

Мисс Глазки. Поверю вашей светлости на слово.

Леди Свиристи. Уверяю вас, ваш возлюбленный будет в восторге, оно вам очень даже к лицу.

Мисс Глазки. Уверяю вас, сударыня, я бы ни за что его не купила, если б не знала, что он на него купится.

Леди Толк (*леди Свиристи*). Скажите, сударыня, когда вы последний раз видели сэра Питера Скрыгга?

Леди Свиристи. Недели две назад, а то и раньше. Говорят, его подагра скрутила.

Леди Толк. И как же он лечится?

Леди Свиристи. До меня дошли слухи, что лечиться ему надоело. Не зря ж говорят: терпение – лучшее лекарство. Терпит и блудит. Терпение и блуд – всё перетрут!

Мисс Глазки. Кстати о блюде. С женой сэра Питера ладит?

Леди Свиристи. Насчет «лада» спросите лучше его жену – такому ладу она едва ли рада, но дело будто бы идет на лад.

Мисс Глазки. Говорят, ее супруг сущий клад. А вот она, я слышала, связалась с шулерами и спускает все, что есть в доме.

Леди Свиристи. Вздор. Не родился еще тот шулер, который бы ее обыграл. Она любого шулера за пояс за-ткнет.

Мисс Глазки. А мне рассказывал очевидец, что она за один присест ухитрилась проиграть сто гиней – деньги не маленькие.

Леди Толк. Да, деньги счет любят... Кстати, вы слышали, что миссис Передок наконец разродилась.

Мисс Глазки. И кого же ей Бог послал?

Леди Толк. А вы угадайте.

Мисс Глазки. Думаю, мальчика.

Леди Толк. Вот и не угадали. У вас еще одна попытка.

Мисс Глазки. Тогда девочку.

Леди Толк. Именно. Как это вы догадались? Уж не ведьма ли вы?

Мисс Глазки. Ах, сударыня, джентльмены утверждают, что все красивые женщины – ведьмы. Я, впрочем, на это не претендую.

Леди Свиристи. И какими это чарами ей удалось завлечь ее нынешнего мужа под венец? Вот что значит быть слабой на передок!

Мисс Глазки. Что вы этим хотите сказать, сударыня?

Леди Толк. Не берите в голову, милочка.

Мисс Глазки. Не говорите такое, да еще так громко. У стен есть уши, сударыня.

Леди Свиристи. Ничего не попишешь, милочка, так уж я устроена: что думаю, то и говорю. Называю вещи своими именами.

Леди Толк мешает чай щипцами для сахара.

Леди Толк. Мой Бог, что это я делаю?! Совсем голова набекрень.

Мисс Глазки. Ничего страшного, сударыня, уж лучше набекрень, чем в небесах.

Леди Толк. Признавайтесь, милочка, вы с леди Свински ведь на дружеской ноге?

Леди Свиристи. Да, их, говорят, водой не разольешь.

Леди Толк. Вот-вот, и я слышала, что вас тянет к ней, как корову к стогу сена.

Мисс Глазки. Знать бы, еще, кто из нас корова...

Леди Толк. Говорят, она последнее время сильно раздалась. Это верно?

Мисс Глазки. И что она вам далась?

Леди Толк. Кстати, уж вы меня простите, леди Свиристи, но сдается мне, что ваша светлость, с тех пор как мы последний раз виделись, немного похудели.

Мисс Глазки. А вот мне так не кажется, сударыня. «Жалкие утешители все вы», – как сказал Иов⁴.

Леди Свиристи. Ах, какая, в сущности, разница, как я выгляжу. Главное на меня, как принято теперь выражаться, есть спрос. Право же, милочка, ваша реплика меня весьма тронула. А потому я желаю вам, чтобы вам достался самый прекрасный принц на свете.

Мисс Глазки. Ах, сударыня, вы так добры ко мне. Ваша любовь стоит всех сокровищ мира.

Леди Толк (*леди Свиристи*). Сударыня, ваша светлость позволит мне сопровождать вас завтра в театр?

Леди Свиристи. Сударыня, это я должна просить у вашей милости разрешения вас сопровождать.

Мисс Глазки. А я, стало быть, как всегда, вне игры.

К дамам присоединяются джентльмены.

Мисс Глазки. Мистер Взаперти, вы нам очень нужны. Куда это вы подевались? За вами, как за смертью, посылать.

Мистер Взаперти. Я был вам нужен? Лжет и не краснеет.

Мисс Глазки. И не покраснею, не дождетесь. И потом, что за выражения? Вы совершенно неисправимы.

Мистер Взаперти. Прошу прощения, мисс, я хотел сказать «лжет и не краснеет»...

Мисс Глазки (*краснеет*). Час от часу не легче! Ишь как

⁴ Иов, 16: 2.

вывернули... Нет, я вижу, вам спуску давать нельзя. А лучше бы – и вовсе спустить с лестницы.

Мистер Взаперти. Простите, мисс. Налейте-ка мне лучше кофе.

Мисс Глазки. Бог простит. И кофе сами себе наливайте – я ногу отсидела. А вы – прикусите язык.

Полковник Умней. У женщины, говорят, предлог всегда найдется. Высосут из пальца.

Мистер Взаперти. Какая сердитая! Спустила на меня всех собак. А впрочем, собака лает, ветер носит...

Мисс Глазки. А вот полковник, в отличие от вас, мистер Взаперти, мухи не обидит. Не зря же говорят: большая собака – в старости щенок.

Мистер Взаперти. Это вы-то муха?! Боже правый, эта юная особа за словом в карман не лезет.

Полковник. Что ты сказал, Том? Ну-ка повтори, я не слышал. В чей карман?

Все громко смеются.

Лорд Толк. Перестаньте, джентльмены. Вы слишком суровы с бедной мисс Глазки. Клянусь Богом, и вы, полковник, и вы, мистер Взаперти, друг друга стоите.

Полковник. Леди Свиристи, имею честь пригласить вас завтра со мной отужинать.

Леди Свиристи. Ах, полковник, много чести.

Мисс Глазки (*в сторону*). Предложение сделано – честь по чести.

Полковник. Благодарю вас, мисс, окажу честь и вам: заявлюсь к вам утром чай пить.

Мисс Глазки. В таких случаях говорят: без меня меня женили.

Полковник (*леди Толк*). У вашей милости отличнейшие часы. Носить вам их – не переносить.

Леди Толк. Эти часы мне не принадлежат, полковник.

Полковник. Чьи же они?

Леди Толк. Моего мужа. Говорят же, у замужней женщины нет ничего своего, кроме обручального кольца да тесьмы для волос. Нам, женщинам, закон пишут, а мужчинам он не писан...

Полковник. А часы, как я погляжу, совсем новые.

Леди Толк. Куда там, сэр. Двадцать лет уже моему мужу служат. Но век свой, как видно, еще не отслужили.

Мистер Взаперти. Вы мне напоминаете человека, который утверждал, будто нож ему служит сорок лет – он только рукоятку да лезвие поменял.

Лорд Толк. Надо вам отдать должное, Том, с вами не соскучишься.

Полковник. А вот я недавно табакерку сломал, никак в себя придти не могу.

Мисс Глазки. Тут жизнь ломается – и то ничего.

Мистер Взаперти. Хотите совет, полковник. Чем чинить

старую табакерку, купите-ка лучше новую. Табакерка, как женщина: одна хорошо, а две лучше.

Мисс Глазки смеется.

Полковник. Вот вы и показали зубки, мисс.

Мисс Глазки. И то сказать, за чужой щекой зуб не болит.

Мистер Взаперти. От вас исходит обворожительный запах, мисс. Уж не пользуетесь ли вы духами?

Мисс Глазки. Духами?! Господь с вами, сэр, я духи на дух не переносу.

Лорд Поблекли. Мне кажется, леди и джентльмены, вы все слишком остроумны за чужой счет. Негоже смех во зло употреблять.

Полковник. Вы же видите, милорд, мисс Глазки никого не шадит. Вышла бы поскорей замуж, что ли! А впрочем, какой жеребчик – таков и конь.

Мисс Глазки. Который уж раз меня сегодня замуж выдают! А вам, полковник, спасибо на добром слове.

Лорд Поблекли. Не обижайтесь, мисс. Обида глаза не выест.

Лорд Толк. А вы что на это скажете, полковник?

Мистер Взаперти. Милорд, мой друг полковник ни за что на свете не станет поднимать на смех столь юное создание.

Мисс Глазки. Когда такие, как полковник, поднимают на смех, впору со смеху помереть.

Полковник. Не зря говорят, мисс, что у женщин хорошо подвешен язык. А потому давайте-ка обнимемся и останемся друзьями (*оглядывает комнату*). Как же красиво распустились цветы! (*Пытается обнять мисс Глазки.*)

Мисс Глазки. А вы не распускаяйте руки! (*отталкивает его*).

Лорд Поблекли. Ну, полковник, досталось вам на орехи. А вы очень строги, мисс, вам, как я посмотрю, слова поперек не скажи.

Мисс Глазки. У меня, уверяю вас, милорд, одно слово в ухо влетает, в другое вылетает. Дали бы спокойно чаю выпить!

Мистер Взаперти. Чай – не вода, в рот не наберешь!

Мисс Глазки. Ах, не умеете же вы держать язык за зубами, мистер Взаперти. Болтаете языком, точно кумушка записная!

Мистер Взаперти. Нет, мисс, уж лучше болтать языком, чем держать его за зубами! Зуб даю!

Полковник. Вы что, не слышали, мисс, что одна женщина целый выводок гусей стоит – столько от нее шума.

Мисс Глазки. Вы бы с мистером Взаперти всех гусей на свете перекричали.

Входит лакей.

Леди Толк. Унесите чай и принесите свечи.

Леди Свиристи. Прошу вас, сударыня, не надо свечей, еще ведь совсем светло.

Мистер Взаперти. Кто-кто, а мисс Глазки предпочитает полумрак – она к солнечному свету непривычна.

Мисс Глазки. От вашей трескотни, мистер Взаперти, уши вянут.

Леди Толк. Однако темнеет, сударыня. Вскоре мы все будем на одно лицо. Ночью, как говорится, все кошки серы.

Мистер Взаперти. И мы сможем целоваться, мисс, сколько захотим.

Мисс Глазки. Господи, эти мужчины только о поцелуях и думают! (*Сплевывает в сердцах.*)

Мистер Взаперти. Я вижу, мисс, у вас уже слюнки текут.

Леди Толк. Кто бы мне ответил, что лучше – без света сидеть или в темноте. Давайте все же зажжем свечи: женщины и женское белье лучше смотрятся при свечах. Ну-с, джентльмены, как насчет партии в кадриль?

Полковник. Всегда к вашим услугам.

Леди Свиристи. А я отправляюсь к слугам.

Лорд Толк (*леди Свиристи*). Вы, ваша светлость, не берете в руки карт?

Полковник. Отчего же, ее светлость порой играет – на яичко к христову дню.

Мистер Взаперти. И на поцелуй к Рождеству.

Леди Свиристи. Будет вам, мистер Взаперти. Держите язык за зубами. А еще лучше – на привязи.

Мистер Взаперти. Слушаюсь и повинуюсь, я ведь к вам так привязан.

Полковник, мистер Взаперти, леди Толк и мисс Глазки садятся за карты и встают из-за ломберного стола лишь в три часа утра.

Леди Толк (*мисс Глазки*). Ну, милочка, вам так везет в карты, что на везение в любви можете не рассчитывать.

Мистер Взаперти. А вот мне, мисс, карты шли преотвратные. А еще друзья называются! Хорошую карту и ту сдать не могут. Не зря же говорят: со своими врагами я справлюсь сам, а вот друзей без Божьей помощи мне не одолеть.

Леди Свиристи. Ну а теперь, как говорится, и на покой пора.

Мисс Глазки. Признаться, у меня уже глаза на затылке. (*Трет глаза.*)

Мистер Взаперти. Не глаза, а глазки. Приятных сновидений, мисс Глазки. Желая увидеть козла и осла, осла до полночи...

Мисс Глазки. На осла я уже сегодня вдоволь насмотрелась. Увольте!

Полковник. Отправляюсь-ка и я в сонное царство.

Мистер Взаперти. А вот я – в царство Морфея.

Леди Толк. Спать буду, как убитая.

Мистер Взаперти (*мисс Глазки*). Желая, мисс, чтобы вам

приснился прекрасный принц.

Мисс Глазки. Чем видеть столь кошмарный сон, уж лучше всю ночь бодрствовать. Нет уж, спать буду сном праведницы.

Полковник (*мисс Глазки*). Сударыня, позвольте мне сопровождать вас до самого вашего дома.

Мисс Глазки. Господь с вами, полковник. За мной матушка карету с лакеем послала. Прощайте, леди Толк, дам вам отыгаться в любой удобный для вас день. Выстрел, как говорится, за вами.

Входит дворецкий.

Дворецкий. Сударыня, карета у подъезда.

Все рассаживаются по каретам и разъезжаются.

КОНЕЦ

Генри Филдинг. Из журнала «Ковент-Гарден»

Правила для критиков

*Majores Nusquam Rhonchi; Juvenesque, Senesque, et
Pueri Nasum Rhinocerotis habent⁵.*

Суббота, 11 января 1752 года, № 3

Из бумаг, находящихся ныне в моем ведении, следует, что, согласно цензорским проверкам, проведенным *tricesimo qto. Eliz.*⁶ одним из моих прославленных предшественников, в городах Лондон и Вестминстер действовало никак не более девятнадцати критиков. При последней же проверке, которую осуществил я сам *25 Geo. 2 di.*⁷, число лиц, претендующих на право принадлежать к сей славной профессии, достигло 276 302 человек.

Сей колоссальный прирост объясняется, на мой взгляд, весьма прискорбной нерадивостью прежних цензоров, которые превратили свою службу в совершеннейшую синекуру и, как мне удалось выяснить, не проводили проверок со времен Исаака Бикерстаффа^[44], бывшего цензором в последние годы правления королевы Анны.

⁵ Больших насмешников нет нигде: взрослых и старых, // И у мальчишек-то у всех – как носорожки носы (*лат.*). *Марциал.* Эпиграммы. I, 3: 5. Перев. Ф. Петровского.

⁶ В тридцатый год правления Елизаветы (*лат.*).

⁷ В двадцать пятый год правления Георга II (*лат.*).

Той же халатностью объясняются и посягательства на все прочие слои общества. За последние несколько лет, как выяснилось, число джентльменов существенно возросло, тогда как число шулеров сократилось, причем в той же пропорции.

Свою цель, следовательно, я вижу в том, чтобы попытаться исправить вышеизложенные недостатки и восстановить пошатнувшуюся репутацию той высокой должности, какую я имею честь занимать. Вместе с тем я отдаю себе отчет, что подобного рода действия должны осуществляться с благоразумием и без спешки, ибо давние, глубоко укоренившиеся пороки никогда не излечиваются средствами сильными и быстродействующими, запоминающимся примером чему может служить благородный император Пертинакс^[45]. «Сей достойный муж (пишет Дион Кассий) погиб оттого, что вознамерился разом искоренить все пороки своего государства. Человек высокообразованный, он, однако, не мог взять в толк, что осуществление преобразований одновременно в разных направлениях не только небезопасно, но и невозможно. К нездоровому обществу правило это применимо в той же, если не в большей, степени, что и к частной жизни».

Вот почему я счел неразумным на основании проведенного подсчета подвергнуть число критиков существенному сокращению. На этот раз я принял всех, кто пожелал вступить в наши ряды, однако впредь делать этого не стану, ибо я вознамерился испытать качества каждого из претендентов на деле.

Дабы всякий, кто считает себя вправе именоваться критиком, мог заранее подготовиться к сему испытанию, считаю необходимым изложить некоторые требования, коим должен соответствовать всякий, пожелавший удостоиться чести быть причастным к сей достойнейшей из профессий. Обязуюсь, однако, следовать приведенному мною правилу со сдержанностью и осмотрительностью, ибо хотел бы распахнуть двери в критическое сообщество как можно шире, чтобы обеспечить доступ как можно большему числу людей.

Кажется, Квинтилиану^[46] принадлежит мысль о том, что хорошим критиком великого поэта может стать лишь тот, кто и сам является великим поэтом. Если эта мысль верна, то число критиков – во всяком случае, критиков поэзии – крайне невелико; в этом случае из древних правом именоваться критиком будут обладать разве что Гораций и Лонгин^[47], о котором, хоть он и не был поэтом, мистер Поуп отозвался весьма лестно:

Тебя, Лонгин, талантливее нет^[48]:

Твои – все девять муз; ты – критик и поэт.

Однако при всем уважении к столь великому имени, как Квинтилиан, это правило представляется мне излишне суровым. С тем же успехом можно было бы сказать, что лишь тот, кто стряпает сам, может по достоинству оценить качество стряпни.

Требовать от критика знаний столь же абсурдно, как требовать от него гениальности. Почему человек в этом случае более, нежели во всех остальных, обязан руководствоваться чьими-то взглядами, кроме своих собственных? Не едим же мы по правилам – отчего же должны мы по правилам читать?! Если мне по вкусу бычья печень или Олдмиксон^[49], с какой стати должен я давиться черепаховым мясом или Свифтом?

А потому из всех навыков человек, именующий себя критиком, владеть обязан только одним *умением читать*, и в этом есть неопровержимая логика, ибо как он в противном случае может называться читателем? Ведь если верно, что каждый читатель – критик, то, стало быть, и всякий, называющий себя критиком, не может не быть читателем.

При этом я требую от критика не только умения читать, ни и применения этого умения на практике. Всякий, кто выскажется о книге до тех пор, *пока не прочтет из нее хотя бы десять страниц*, навсегда лишится права именоваться критиком.

В-третьих, все критики, которые, начиная с первого февраля следующего года, вознамерятся раскритиковать книгу, должны будут объяснить, чем они руководствовались. Впредь критик не будет иметь права промямлить что-нибудь вроде: «Даже не знаю, что и сказать... Знаю только, что мне эта книга не по душе...» Его резоны могут быть сколь угодно вздорными, но они должны быть обоснованы. Такие сло-

ва, как «чушь», «вздор», «бред», а также «бессвязно», «при-
скорбно», «постыдно», впредь запрещаются – раз и навсегда.

Запрет этот распространяется, впрочем, лишь на тех критиков, которые не держат свои взгляды при себе, ибо всякий имеет полное право невзлюбить любую книгу, если только он не придает свое мнение огласке. В этом случае он может не прочесть или не понять из нее ни единого слова, а также полностью извратить ее смысл.

Но коль скоро право иметь свое суждение распространяется в критике ничуть не дальше, чем в иных областях, я со всей ответственностью заявляю: в будущем я не позволю исполнять обязанности критика особам мужского пола до той поры, пока они не достигнут восемнадцати лет, ибо до наступления этого возраста им дозволяется принимать решения относительно лишь такого пустячного дела, как женитьба, и только когда им исполняется восемнадцать, закон дает им право распоряжаться своим имуществом. Особ женского пола я, пожалуй, буду принимать несколько раньше, при условии, однако, что они либо умны, либо хороши собой, либо владеют состоянием от пяти тысяч фунтов и выше.

Наряду с мужчинами и женщинами юного возраста из числа критиков будут исключены все люди с ограниченной дееспособностью, к каковым относятся как не правомочные, так и истинные безумцы и идиоты. Сюда входят все те, кто ни при каких условиях не способен отличить добро от зла, правду от лжи, мудрость от глупости.

Есть также отдельные лица, кому я разрешу исполнять обязанности критика лишь частично; так, распутникам, щеголям, шулерам и светским дамам строго-настрого, под угрозой исключения из сообщества, запрещается критиковать любое произведение, написанное на темы религии или морали. Адвокатам, врачам, хирургам и аптекарям строго запрещается высказываться о тех авторах, кто добивается преобразований в праве или в медицине. Государственным чиновникам и будущим государственным чиновникам (за вычетом честных людей), со всеми их подчиненными и прихлебателями, ставленниками и будущими ставленниками, сводниками, шпионами, иждивенцами, доносчиками и агентами, запрещается, также под страхом исключения, высказывать свое мнение о всяком произведении, автор которого стремится принести пользу королевству. Что же до памфлетистов, которые преследуют великую цель либо все высмеять, либо *всему найти объяснение*, то и тем и другим предоставляется полная свобода; первые могут все ругать и, как водится, проклинать; вторые, сколько им вздумается, – восхвалять и славословить. Все критики, кому это правило покажется несправедливым, будут сочтены бесчестными, а их критика объявлена бессодержательной и лишенной всякого смысла.

Ни один автор не будет принят в когорту критиков до тех пор, пока он не прочел в оригинале и не усвоил Аристотеля, Горация и Лонгина, а также пока не будет засвидетельство-

вано, что он хорошо отозвался хотя бы об одном из ныне живущих авторов, кроме себя самого.

И наконец, последнее. Под страхом нашего крайнего недовольствия всем без исключения возбраняется критиковать любое из произведений, какое *мы сами* сочтем возможным представить публике. Тот же, кто посмеет нарушить это правило, будет не только изгнан из рядов зоилов, но и из любого другого сообщества, в коем придется ему состоять, и имя его отныне и навсегда будет вписано в анналы Граб-стрит.

О юморе

*Non hoc jocosae conveniunt lyrae*⁸.

Суббота, 7 марта 1752 года, № 19

Если кто-нибудь захочет выдать груду камней за неподдельные брильянты или же назовется китайцем и станет торговать безделушками из грубой глины, выдавая их за китайский или дрезденский фарфор, – последствия в обоих случаях очевидны. Едва ли найдется хоть один человек, которого удастся провести, и обманщики немедленно станут предметом всеобщего осмеяния и презрения.

Сходным образом, если какой-нибудь человек притворится знатоком и будет ходить по городу, убеждая всех и каждого, что лучшие драгоценности, находящиеся во владении мистера Лейкана, являются не более чем подделкой, – разве не будет человек этот признан сумасшедшим, разве не постыдится он показываться на глаза людям?

Совсем иное положение дел, о чем говорилось в моем последнем очерке, в литературе. Истинные брильянты часто подолгу лежат незамеченными на полках книжных лавок, тогда как самые наглые подделки вызывают всеобщие зависть и восхищение. Даже Мильтон (мне стыдно за свою страну,

⁸ Но не сюда сходятся шуточные лиры (лат.). Гораций. Оды. III, 3: 69.

когда я пишу эти строки) едва не был предан забвению, и, вместо того чтобы взойти на Олимп и встать рядом с величайшими авторами древности, в чьем созвездии он сейчас обрел законное место, он чуть было не оказался среди тех авторов-однодневок, чья слава столь скоротечна.

А значит, для того, чтобы отличить брильянты, фарфор и прочие ценности от их подделок, должны существовать определенные, строго установленные критерии, помогающие нам составить о них свое мнение; в вопросах же, касающихся литературы и науки, подобных правил либо нет вообще, либо они невнятны, либо нам о них решительно ничего неизвестно. Не потому ли один и тот же автор, одно и то же произведение воспринимаются совершенно по-разному, на что аллегорически указывает Гораций, когда говорит:

*Tres mihi convivae prope dissentire videntur...*⁹

Одни, таким образом, превозносят книгу до небес, называя ее «прекрасной», «бесподобной», «неподражаемой»; другие эту же самую книгу ругают на чем свет стоит – нет, дескать, ее «скучнее», «беспомощнее», «низкопробнее».

Из всех литературных жанров нет ни одного, который бы вызвал столь разноречивые оценки, как юмор, и это не удивительно, ведь в нашем языке не найдется, пожалуй, другого слова, о котором у нас было бы представление более туманное. Говоря попросту, я очень сомневаюсь, понимают ли

⁹ Мне кажется, что три сограпейника расходятся во мнении (*лат.*). Гораций. Послания. II, 2: 61.

люди, что они хотят сказать, когда это слово слетает у них с языка.

Один джентльмен, помнится, употреблял это слово на каждом шагу, с кем бы он ни говорил. Мне, признаться, казалось, что вкус ему порой изменяет, пока однажды, оказавшись с ним на борту корабля, я не услышал, как он во всеуслышание заявил, что корабль от юмора вот-вот пойдет ко дну. Тогда только я догадался, что основное значение этого слова моему знакомому неизвестно.

Что можно сказать о зрителях, которые – я сам не раз слышал – называют «юмором» скучнейший сценический диалог между дамами и джентльменами, да еще раздражаются громкими аплодисментами?! С другой стороны, Альбумазар был принят весьма холодно, а маленький французский адвокат из пьесы Флетчера и вовсе изгнан со сцены.

Не могу не привести забавный пример, коему сам был свидетелем. Некий автор поставил на сцене Друри-Лейн комедию под названием «Ярмарка в Шотландии», в которой он намеревался изобразить шотландцев в комическом свете. Первые три спектакля зрители лишь в недоумении между собой переглядывались, на четвертый же разразились громкоподобным смехом. Смех продолжался весь первый акт, после чего автор, который, к несчастью, воспринял хохот как похвалу, подошел к мистеру Уилксу и с победоносным видом заявил: «Надо же, сэр! Наконец-то до них дошло, в чем тут соль!»

Кто более в этом случае ошибался, зрители или автор, сказать не берусь. Ясно лишь, что читатель или зритель, оценивая книгу или пьесу, нередко допускает чрезвычайно грубые ошибки, одну из которых некогда совершил ныне покойный высокочтимый книготорговец Бернард Линтот. Сей ученый муж, прочитав трагедию «Федра и Ипполит», сокрушался, что в ней недостает юмора; будь в трагедии побольше смешного, заметил он, она бы только выиграла.

В самом деле, нет ничего более неопределенного, чем наше представление о юморе. Самое распространенное мнение сводится к тому, что все, что способно развлечь и рассмешить, и есть юмор. При этом чем легче человека рассмешить, тем шире он это понятие трактует. Веселого малого, «весельчака», как его часто называют (а по мне, нет таких скучнее), друзья и знакомые не преминут наделить отменным чувством юмора. Эти джентльмены отличаются веселым нравом, проницательной ухмылкой и насмешливым тоном. Что же до их историй, то они, как правило, не более смешны, чем они сами, затянуты и заканчиваются однотипными шутками.

Не стану распространяться здесь о так называемых практических шутках, которые принято считать вульгарными. И то сказать, что может быть смешнее, чем когда тебя таскают за нос, бьют сзади исподтишка, вынимают из-под тебя стул, срывают парик и все прочее в том же роде.

Но ведь есть и другой тип юмора, о котором, сколько пом-

ню, не говорят. Это – мрачный юмор, который, быть может, имел в виду уже упоминавшийся высокообразованный книготорговец и который, хоть и способен у кого-то вызвать смех, обыкновенно кончается слезами.

Если практический юмор, о котором только что шла речь, основывается на мелких пакостях в отношении других, то юмор мрачный сопряжен с величайшим злом – с разорением, крахом, мучением людей.

История знает немало примеров подобного юмора. Не было, должно быть, ни одного тирана или завоевателя, который, пусть сам по себе человек и скучный, не наделен был таким юмором сверх меры. Таков был, например, Александр Македонский, свидетельством чему может служить его азиатский поход. Сожжение Персеполиса является демонстрацией самого утонченного и мрачного юмора.

Чем было правление Калигулы и Клавдия, Нерона и Домициана, Комода, Каракаллы, Гелиогабала и всех прочих царственных римских кровопийцев, как не величайшими трагическими фарсами, в которых одну половину человечества с отменным чувством юмора подвергали смерти и пыткам, к вящему удовольствию другой.

Из всех свидетельств такого рода более всего позабавила меня история о Фалариде и Перилле. Желая угодить Фалариду, величайшему тирану и соответственно любителю мрачного юмора, Перилл сообщил, что придумал развлечение, которое доставит тому немалое удовольствие. Перилл изго-

товил медного быка, внутрь которого помещался человек, после чего бык ставился на огонь, пока не раскалялся докрасна, отчего сидевший внутри испытывал невыносимые муки и издавал крик, имитирующий (как принято теперь говорить) рев быка.

Фалариду идея очень понравилась. Однако, как человек, отличавшийся превосходным чувством юмора, он несколько видоизменил придуманную шутку, отправив в чрево быка самого Перилла, который и был заживо зажарен в медном быке собственного изготовления.

Отсюда, скорее всего, и пошло понятие «жареная шутка». Ныне «зажарить заживо» означает оклеветать того, одно имя которого вызывает трепет, или же выставить на всеобщее посмеище, облить презрением того, кто еще совсем недавно пользовался всеобщим почетом и уважением.

В заключение замечу, что, как давным-давно говорил Цицерон, нет на свете нелепости, которую кто-то из софистов не счел бы «истинной философией». Точно так же, как нет на свете вздора, который бы – при условии, что он сопровождается грубой бранью и оскорблениями, не сошел бы, по мнению многих, за *истинный юмор*.

Ц(ензор)

Диалог в духе Платона в Танбридж-Уэллсе^[50] между философом и светской дамой

*Quo teneam vultus mutantem Protea nodo*¹⁰.

Вторник, 14 апреля 1752 года, № 30

Она. Ах, дорогой мистер Мудр, у меня для вас поразительная новость. Как вы думаете, какая?

Он. Ума не приложу.

Она. Никогда не догадаетесь. Мистер Блуд не дает проходу мисс Стриж.

Он. Коли он не дает ей проходу, то, глядишь, и поймает. А там и съест. А мне-то что за дело?

Она. Какой же вы нелюбопытный! Ведь мисс Стриж – девушка из простой семьи. А джентльмену следует брать в жены девушку благородную.

Он. Раз из простой семьи – стало быть, не благородная?

Она. Нет, конечно, не благородная. Так говорят и леди Нагл, и миссис Блаж.

Он. Откуда им знать, что такое женщина благородного

¹⁰ Какой хваткой я удержу Протея, что лик свой меняет (лат.). Гораций. Послания. I, 1: 90.

происхождения? Впрочем, они, должно быть, слышали, что говорят об этом другие.

Она. Право, какой вы все же странный! В таком случае скажу вам всю правду. Я точно знаю, что она не принадлежит к женщинам благородного происхождения, ибо ее отец...

Он. Отец, мисс?! При чем здесь отец? Мы ведь с вами говорим о юной даме приятной наружности и хороших манер. То, что она принадлежит к прекрасному полу, оспаривать вы не станете. Так вот, мисс, в моем представлении, если ее внешность и манеры таковы, какими я их описал, то мисс Стриж, более чем вероятно, – дама благородного происхождения. Что же касается леди Нагл и миссис Блаж, то обе они фурии; их скудоумие под стать их внешности.

Она. Боже мой, сэръ, вы заговорили со мной совсем другим тоном! Но я все равно не поверю ни одному вашему слову.

Он. Я знаю, что говорю. Мода всегда берет верх над разумом.

Она. Раз вы такой мудрый, вам наверняка есть что сказать о моде.

Он. Мода – это кредо глупцов и уловка для людей умных.

Она. Что бы там ни говорили, мистер Умник, я все равно буду в нее верить.

Он. И следовать ей?

Она. Неизменно.

Он. Но ведь мода изменчива. Она меняется постоянно.

Она. Что верно, то верно.

Он. А вместе с ней меняетесь и вы. Оттого-то вас и будут всегда называть «переменчивой», «непостоянной», «суетной»... Уж не обессудьте.

Она. Спасибо на добром слове.

Он. Но ведь это чистая правда. Простите, могу я задать вам один вопрос?

Она. Какой еще вопрос?

Он. Вы считать умеете?

Она. Умею.

Он. А играть на спинете?

Она. Конечно.

Он. Когда вас учили считать, вам говорили, что два плюс два – четыре, а трижды три – девять. Уверен, вы бы сочли чудовищным обманом попытайтесь кто-нибудь доказать вам, что два плюс два равняется двадцать, не правда ли?

Она. Не пойму, к чему вы клоните.

Он. Немного терпения, мисс; то, что я сейчас говорю, вам очень пригодится. Так вот, когда вы учились играть на спинете, оказалось, что без определенных правил овладеть этим инструментом невозможно, верно?

Она. Безусловно. Меня учили ударять по нужной клавише, а не по какой придется.

Он. Терпение, мисс, и вы станете философом. Итак, каким бы искусством или наукой вы ни овладевали, вас всегда учили следовать определенным правилам, верно?

Она. Совершенно верно.

Он. Прекрасно. Не кажется ли вам, мисс, что, овладевая искусством человеческой жизни, рассуждать следует точно так же? То есть не делать то, что заблагорассудится, а то, что следует. И то, что пойдет нам на благо.

Она. Пожалуй.

Он. Не «пожалуй», а именно так. И что же в этом случае будет с модой? Как может мода быть главным побуждением к действию? Вы же сами признали, что мода должна подчиняться законам жизни, а не наоборот; в противном случае мы пойдем наперекор Природе.

Она. Вы что же, хотите, чтобы я не следовала моде? Уж лучше не жить вообще, чем одеваться не по моде!

Он. Этого я не говорил.

Она. Что же вы в таком случае говорили?

Он. Поймите, мисс, принципы, которыми я руководствуюсь, никогда не позволяли мне жить в соответствии с модой. Право же, мисс, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы не видеть разницы между тем, что удобно, и тем, что необходимо.

Она. Послушали бы вы, что говорит о моде леди Нагл.

Он. С куда большим удовольствием я бы послушал старика Сократа, будь он жив. Откровенно говоря, леди Нагл меня мало интересует. Во всей Англии едва ли найдется хоть одно графство, где бы не было своей леди Нагл. Но, прошу вас, ответьте мне на мой вопрос, мисс.

Она. Задавайте ваш вопрос, сэр.

Он. Если вы хотите приобрести новый наряд, в какую лавку вы пойдете?

Она. Туда, где самые лучшие и разнообразные товары и самые услужливые и распорядительные продавцы.

Он. А если бы вы хотели обзавестись здравым смыслом и знаниями, в какую «лавку» вы бы тогда отправились?

Она. Вот оно что, сэр! Теперь-то я понимаю, почему вы завели этот разговор... Но, увы, у меня нет ни секунды времени, уже три часа, а мне еще надо переодеться, ведь я сегодня ужинаю с леди Нагл, миссис Блаж, капитаном Бесс Трепетом и еще двумя-тремя благородными особами. Ваша покорная слуга, добрейший мистер Мудр.

Презренный металл

Пусть же погибнет тот, кто их придумал...
Анакреон

Суббота, 2 мая 1752 года, № 35

*Сэру Александру Дрокенсэру
Бедлам^[51], апрель 1752 года*

Сэр,

нисколько не сомневаюсь, что, не дочитав и до середины письма, Вы согласитесь с выводом, к которому я пришел давным-давно: в месте, откуда я пишу, англичане содержат всех тех, у кого здравого смысла больше, чем у их соотечественников, гуляющих на свободе.

Как бы то ни было, хотел бы для начала сообщить Вам, что если Вы и в самом деле стремитесь к преобразованиям в нашем королевстве, Вы наверняка не добьетесь цели по той простой причине, что заблуждаетесь в средствах.

Согласно мнению врачей, для исцеления болезни необходимо распознать и устранить ее причину. То же и в отношении политики. Без этого мы можем в обоих случаях лишь облегчить участь больного – излечить же его не в наших силах.

А теперь, сэр, позвольте сказать Вам, что Вы совершенно не догадываетесь, не имеете ни малейшего представления, в чем истинная причина наших политических хворей. А потому, вместо того чтобы предложить средство для лечения заболевания, Вы не раз в ходе Ваших досужих рассуждений давали советы, которые в конечном счете лишь отягчали положение больного.

Знайте же, сэр, что только мне одному известна истинная причина царящего на земле зла. Мне стоило немало трудов и кропотливых исследований, чтобы найти объяснение наших продажности, распущенности и безнравственности, – и, следовательно, я один способен прописать средство от всех этих болезней.

Впрочем, когда я утверждаю, что сие открытие принадлежит мне, и только мне, я имею в виду лишь современных людей, ибо философам и поэтам древности бесценный секрет этот был хорошо известен, о чем свидетельствует бесчисленное число цитат из их трудов. В их произведениях секрет этот упоминается столь часто, что меня немало удивляет то обстоятельство, что джентльмен, не понаслышке знакомый со светочами истинного знания, упустил его из виду.

Итак, что является истинной причиной всех политических болезней, от коих страдает эта страна, как не деньги? Деньги, о которых греческий поэт, чьи строки я привожу в эпиграфе, говорит: «Пусть же погибнет тот, кто их придумал, ибо это из-за них брат ссорится с братом, а сын – с от-

цом; это они принесли в мир войны и кровопролитие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...Бербедж играл «Ричарда III»... – Ричард Бербедж (ок. 1567–1619) – английский актер; с 1595 по 1618 гг. играл главные роли в пьесах Шекспира.

2.

...история шотландского моряка Александра Селкерка... – Прототип Робинзона Крузо, шотландский моряк А. Селкерк, в должности помощника капитана принял участие в одной из тихоокеанских экспедиций. Повздорив с капитаном, он добровольно остался на необитаемом острове Мас-а-Тьерра близ берегов Чили, где прожил четыре с половиной года, пока не был подобран на борт «Герцогини» под командованием Вудса Роджерса, из путевых дневников которого, вышедших в 1712 г., Дефо и почерпнул эту историю.

3.

Декан встретил нас весьма сухо... – Свифт был деканом (настоятелем) собора Святого Патрика в Дублине.

4.

Стелла – Эстер Джонсон (1681–1728) – пронесла любовь к Свифту через всю жизнь. Падчерица управляющего в Мурпарке, она выросла в доме дипломата и мецената сэра

Уильяма Темпла, где молодой Свифт был ее учителем и наставником. В 1701 г., получив приход в Ларакоре, на севере Ирландии, Свифт уговорил Стеллу, вместе с ее компаньонкой и подругой Ребеккой Дингли, переехать в Ирландию, где она и прожила в уединении всю оставшуюся жизнь.

5.

«Каденус и Ванесса» (1713) – поэма Свифта. В названии зашифрованы имена самого Свифта (Каденус – анаграмма латинского «деканус», то есть «декан») и его подруги Эстер Ваномри (анаграмма фамилии и уменьшительного имени – Хэсси), с которой Свифт познакомился в Лондоне в 1709 г. и которая после отъезда Свифта в Ирландию последовала за ним. Поэма «Каденус и Ванесса» посвящена ей.

6.

...Джонатан Свифт прекрасно пишет даже о метле. – Имеется в виду памфлет Свифта «Размышления о палке от метлы».

7.

Георг II (1683–1760) – английский король с 1727 г. Принадлежал к ганноверской династии.

8.

Отрывки из «Памелы»... – «Памела» (1740–1741) – роман С. Ричардсона.

9.

Кларисса Гарлоу – героиня романа Ричардсона «Кларисса» (1747–1748).

10.

...позировать Хогарту. – Уильям Хогарт (1697–1764) – английский художник и график.

11.

...Хогарт обязан своим успехом Гаррику... – Дэвид Гаррик (1717–1779) – английский актер, переигравший основные роли шекспировского репертуара; директор лондонского театра Друри-Лейн; друг и ученик Сэмюэля Джонсона.

12.

...вскоре после выхода в свет своего бессмертного словаря. – Имеется в виду «Словарь английского языка», который Сэмюэль Джонсон писал в течение 10 лет, с 1745 по 1755 г.

13.

...в литературном салоне покойной миссис Монтегю. – Элизабет Монтегю (урожденная Элизабет Робинсон, 1720–1780) не была хозяйкой литературного салона;

она возглавляла женское литературное общество «Синий чулок» («The Bluestockings»), собиравшееся в аристократическом лондонском салоне Элизабет Визи (1715–1791), где вместо традиционной карточной игры велись беседы о литературе.

14.

«Тристрам Шенди» – роман Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», опубликованный анонимно на протяжении восьми лет (1759–1767).

15.

...на премьере «Школы злословия»... – Премьера состоялась в 1777 г. в театре Д. Гаррика Друри-Лейн.

16.

...но «Соперников»... я люблю больше. – Премьера «Соперников» состоялась в 1775 г.

17.

...следующим романом Скотта будет «Роб Рой»... – Один из самых известных и патриотических «шотландских романов» В. Скотта «Роб Рой» (1818), герой которого – народный мститель, вожак шотландских горцев.

18.

...том «Баллад»... – Имеется в виду первый том народных песен, которые В. Скотт собирал с юности и выпустил в 1802 г.

19.

«Мэдок» – баллада Р. Саути (1805).

20.

...разговор зашел о войне в Соединенных Штатах. – То есть о Гражданской войне в США 1861–1865 гг.

21.

...в окрестностях Кенсингтонского музея... – Имеется в виду Лондонский музей в Кенсингтонском дворце.

22.

...поэт-лауреат... – пожизненное почетное звание, присваиваемое видным английским поэтам, получающим вознаграждение в размере 99 фунтов стерлингов в год. В прежние времена в обязанности поэта-лауреата входило сочинение стихов по случаю коронации, рождения наследника престола и т. п.

23.

...очередной номер «Спектейтора»... – «Спектейтор» – еженедельный журнал консервативного направления,

освещавший вопросы политики, экономики, а также литературы и искусства; основан в 1828 г. Робертом Стивенсом Ринтулом как орган «просвещенного радикализма».

24.

Форстер... – Джон Форстер (1812–1876) – английский писатель-биограф, издатель, близкий друг Диккенса, автор книги о нем («Жизнь Чарльза Диккенса», 1872–1874).

25.

...смерть малютки Нелл... – Нелл Трент – героиня романа Диккенса «Лавка древностей» (1841).

26.

...Макреди, вернувшись из театра... – Уильям Чарльз Макреди (1793–1873) – английский актер, с особым успехом играл роли трагических героев Шекспира – Макбета, Лира и Гамлета в лондонском театре «Ковент-Гарден».

27.

Ирландский политик Дэниел О'Коннелл – (1775–1847) – лидер либерального крыла ирландского национального движения; один из организаторов Ассоциации рипилеров (англ, repeal; 1840), выступивших за разрыв англо-ирландской унии 1801 г.

28.

...после выхода в свет «Женщины в белом»... Англия была без ума от... Фоско... – Граф Фоско – вероломный негодяй, персонаж романа Уилки Коллинза «Женщина в белом» (1860).

29.

...жена Эдуарда Булвер-Литтона. – Жена популярного романиста Эдварда Джорджа Булвер-Литтона также сочиняла романы и одно время занимала заметное место в столичных литературных салонах.

30.

...учился в Итоне... – Итон – одна из девяти старейших престижных мужских привилегированных школ; основана в 1440 г.

31.

...после выхода в свет «Стихотворений и баллад»... – Первый том «Стихотворений и баллад» А. Ч. Суинберна вышел в 1866 г.

32.

Издатель «Грэфика»... «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»... – Роман Т. Гарди первоначально печатался в лондонском

журнале «Грэфик» с июля по декабрь 1890 г., причем в журнальном варианте были выпущены многие эпизоды. Отдельным изданием роман вышел в 1891 г.

33.

...Эллен Терри (1847–1928) – английская актриса. В лондонском театре «Лицеум» Генри Ирвинга (1838–1905) исполняла роли шекспировских героинь (Офелии, Джульетты); известна также своей перепиской с Б. Шоу.

34.

Американские репортеры... бросились к Уайльду... – Впервые Уайльд побывал в Америке в 1881 г. Хотя к этому времени у писателя вышел лишь один сборник стихов, он был уже знаменит парадоксальностью своих суждений и неординарностью поведения.

35.

«Нет, заявить мне нечего... если не считать своей гениальности». – В оригинале этот знаменитый афоризм Уайльда звучит так: «I have nothing to declare except my genius».

36.

...несчастный лев, брошенный в ров со свирепыми Даниилами. – Уайльд комически переиначивает библейскую

историю о пророке Данииле, брошенном в ров со львами.
Книга пророка Даниила, 6:16–24.

37.

Первое представление «Оружия и человека»... – Первое представление пьесы Шоу «Оружие и человек», принесшей драматургу подлинный театральный успех, состоялось в Лондоне 24 апреля 1894 г. на сцене театра «Авеню» в антрепризе приятельницы Шоу, актрисы Флоренс Фарр, исполнявшей в этой пьесе роль Луки.

38.

...миссис Патрик Кэмпбелл, которая играла в его «Дейдре». – Патрик Кэмпбелл (наст. имя Беатриса Стелла Таннер, 1865–1940) – английская актриса, игравшая в пьесах У. Б. Йейтса, Шоу, А. Пинеро, других крупнейших драматургов рубежа веков. «Дейдре» (1905–1906) – пьеса У. Б. Йейтса на сюжет из ирландской мифологии.

39.

...партер Театра Аббатства... – Имеется в виду созданный У. Б. Йейтсом и Августой Грегори в 1904 г. Театр Аббатства (Abbey Theatre) в Дублине; Театр Аббатства явился центром Ирландского драматического движения, здесь шли пьесы как самого Йейтса, так и Д. М. Синга (1871–1909), Августы Грегори, Шона О'Кейси (1880–1964) и других ирландских

драматургов начала XX в., писавших на ирландские темы.

40.

...я сообщил Джойсу... – Эту историю рассказывает друг Джойса, дублинский врач, поэт, эссеист, прозаик, известный дублинский остро слов, послуживший прототипом Бака Маллигана в «Улиссе», Оливер Сент-Джон Гогарти.

41.

...келмскоттское издание Чосера с рисунками Уильяма Морриса. – В 1890 г. английский художник, поэт, общественный деятель Уильям Моррис (1834–1896) основал типографию «Келмскотт-пресс» с целью возрождения искусства раритетного книгоиздания. Свое название типография получила от особняка Морриса в районе Хаммерсмит в западной части Лондона.

42.

...Джойс диктовал Беккету «Поминки по Финнегану»... – В начале 30-х гг. Сэмюэль Беккет преподает английскую литературу в Париже и становится другом и литературным секретарем Джойса.

43.

...молодой человек подошел к Джойсу в Цюрихе... – Уехав в 1904 г. из Ирландии, Джойс делил свое европейское

существование между Парижем, Цюрихом и Триестом.

44.

...со времен Исаака Бикерстаффа... – персонажа, придуманного Джонатаном Свифтом, героя «Предсказаний на следующий год Исаака Бикерстаффа» (1708) – пародии Свифта на астрологический альманах Джона Партриджа. В «Болтуне» Ричард Стил дал имя Бикерстаффа вымышленному автору журнальных статей.

45.

...император Пертинакс – римский император (126–193); согласно древнегреческому историку Кассию Диону Коккеяну (между 155 и 164 – после 229), автору «Римской истории» в 80 книгах, Пертинакс правил всего 87 дней и был убит собственными солдатами («Римская история», книга 73).

46.

Кажется, Квинтилиану... – Марк Фабий Квинтилиан – римский оратор, учитель Тацита, автор монументального труда «Об ораторском образовании»; с 68 г. руководил риторической школой в Риме.

47.

...и Лонгин... – Кассий Лонгин – греческий философ и

критик 3 века н. э.; автор трактата о литературной критике «О возвышенном».

48.

«Тебя, Лонгин, талантливее нет... – Филдинг цитирует «Эссе о критике» (1711) английского поэта и критика Александра Поупа (1688–1744).

49.

Если мне по вкусу бычья печень или Олдмиксон... – Джон Олдмиксон (1673–1742) – английский критик; автор «Эссе о критике» (1728).

50.

...в Танбридж-Уэллсе... – в Георгианской Англии модный курорт в тридцати четырех милях от Лондона.

51.

...Бедлам – дом для умалишенных в Лондоне, в Бишопсгейт; сокращенное, англизированное от «Вифлеем»; ведет свое название от монастыря Святой Марии Вифлеемской, основанного в 1247 г.; как сумасшедший дом существует с 1377 г.